

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

11—12

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1993

11—12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ (*главный редактор*), акад. АН Узбекистана А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН Узбекистана С. К. КАМАЛОВ, акад. АН Узбекистана Ш. З. УРАЗАЕВ., акад. АН Узбекистана М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, акад. АН Узбекистана Э. Ю. ЮСУПОВ, чл.-кор. АН Узбекистана А. А. АГЗАМХОЦ-ЖАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана Б. А. АХМЕДОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН Узбекистана А. Х. ХИҚМАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана М. Ш. ШАРИФХОДЖАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. Ш. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*)

Адрес редакции: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 4-83.

Редакторы: И. Ильясова, М. Шамсугдинова
Технический редактор Л. Тюрина

Регистр № 114. Сдано в набор 4.01.94. Подписано к печати 2.02.94. Формат 70×108^{1/16}. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,25. Усл. кр. от. 5,46. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 513. Заказ 8. Цена 20 р.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170. Ташкент, проспект акад. Х. Абдуллаева, 79.
© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 1993 г.

А. М. ПУЛДОШЕВ, Э. С. САИДАЛИЕВ

ИСТИҚЛОЛ МАҒҚУРАСИ ВА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Ўзбекистон — келажаги буюк давлат деган гап, бу шунчаки чиroyн сўз эмас, ёки яхши ният билан айтилган орзу ҳам эмас. Бу қадимдан мавжуд бўлган, ammo асрлар давомида йўқ қилинган, барбод этилган буюклик обидасини фарзандлик бурчи, гурури ила қайта тиклашдир. Республикамиз Президенти Ислом Каримов бир неча марта таъкидлаганидек, бунинг учун бизда ҳамма нарса — бойлик ҳам, илм ҳам, салоҳият ҳам бор, лекин бунинг ўзи кифоя эмас. Агар миллий ўз-ўзини англаш, миллий ҳис мавжуд бўлмас экан ҳақиқий мустақилликка эришиб бўлмайди, мустақиллиكنи мустаҳкамлаб бўлмайди. Миллий ҳис, бу ўз миллати туб манфаатлари билан яшаш. Бу мустақилликка эришган жамиятнинг ҳамма ижтимоий табақаларига, у ишчи, пахтакор, вазир, олим бўладими, касби-коридан қатъи назар ҳаммага бирдек алоқадор. Бунинг маъноси шуки ким ниманки иш қилмасин, нимага қўл урмасин, озод ватан тараққиёти, миллатимизнинг обрў-эътиборига шону-шавкатига қандай ҳисса қўшдим, нечоғлик фойдам тегди, деган теран туйғу билан яшашмоғидан иборатдир.

Республикамиз ҳудудда яшаётган ҳар бир инсон шу кунларда тарихий аҳамиятга молик пайтда яшамоқдалар. Ҳозирги кунда кўз ўнгимизда келажаги буюк Ўзбекистон давлатининг пойдевори яратилмоқда.

Бугунги Ўзбекистон — бу мағқуравий кўп хилликка асосланган адолатли, демократик, ҳуқуқий давлат қурилаётган мамлакатдир. Бу йўлдаги мақсад асосий қомусимиз — Конституциямизда мустаҳкамлангандир.

Содир бўлаётган улкан ижтимоий ўзгаришлар натижасида Ўзбекистон ўз миллий давлатига эга бўлди. Бу ўз навбатида ўзбек халқи тарихида буюк ҳодиса — асрий интилишлар, орзуларнинг ушалишидир. Миллий давлатнинг барпо бўлиши бу қўлликдан қўтилиб мустақиллиكنи қўлга киритилишининг дебочасидир. Бу ҳали фақат сиёсий мустақиллик демакдир. Ўз сиёсий тузумини ўзбек халқининг ўзи яратмоқда.

Бугунги Ўзбекистон — мулкчиликнинг турли шаклларига асосланган, халқни ижтимоий ҳимоя қилишга йўналтирилган бозор иқтисодиётига босқичма-босқич ўтаётган мамлакатдир. Бунда асосий ислоҳотчи вазифасини давлатимиз бажармоқда.

Дарҳақиқат иқтисодий мустақилликка эришиш маълум даврни талаб этади. 70 йил давомида қарор топган иқтисодий алоқаларни бирданига бузиб ташлаш мумкин эмас. Бу бозор иқтисодиётига ўтиш жараёни билан узвий боғлиқдир. Бозор иқтисодиётига ўтиш бу замонавий ривожланишни таъминлаш, дунё бозори саҳнига чиқиш, энг тараққий этган мамлакатлар билан яқиндан тенг алоқалар боғлаш, юртимиз қудратини ошириш, халқ моддий фаровонлигини юқори кўтариш каби қатор долзарб иқтисодий муаммоларни ҳал этишининг асосий

йўлидир. Бозор иқтисодиётига ўттиш бу ижтимоий тараққиётнинг объектив зарурий жараёнидир.

Бугунги Ўзбекистон — ўттиш асрлар бағридан маънавият сарчашмаларини очаётган, ўзининг миллий, маданий тарихий, умумбашарий қадриятларини тиклаётган мамлакатдир. Булар ўзбек тилига бўлган эътиборнинг ортишида, Назрўзини тикланишида, муқаддас Рамазон ва Курбон Ҳайитларимизни байрам қилинишида, анъана ва урф-одатларимизни тикланаётганлигида намоён бўлмоқда.

Бугунги Ўзбекистон — жаҳон ҳамжамияти сари ўз тинчликсевар мустақил ташқи сиёсати билан илдамлаб бораётган, ўз овозига эга бўлган мамлакатдир.

Бугунги Ўзбекистон — бу кўп миллатли фуқаролик жамиятидир. Бу жамиятнинг узвий таркибий қисми сифатида сиёсий партиялар, жамоат ташкилотлари мустақил тараққиётимизда ўз улушларини қушиш учун майдонга чиқмоқдалар.

Ўзбекистоннинг бош йўли — бу сиёсий барқарорлик, фуқаролар тинчлиги ва ижтимоий тотувлик йўлидир. Бу олижаноб мақсад эса республикадаги бутун аҳолининг, унинг барча қатламлари ва ижтимоий гуруҳларининг эзгу мақсадларига мувофиқ келади. Мана шу буюк ғоядан келиб чиқадиган ҳамда миллати, дини, ижтимоий аҳволи ва сиёсий эътиқодларидан қатъи назар фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлайдиган мустақил, демократик, ҳуқуқий давлат қурилиши вазифалари халқимизга тушунарлидир. Бундай давлат халқимизнинг бой тажрибасига, миллий ва маданий анъаналарига таянади.

Ҳар бир давлат, жамият ўз мафкурасини шакллантиради. Мустақил Ўзбекистон барпо этиш тажрибаси мафкураси на бирорта жамият, на бирорта давлат ҳам бўлиши мумкин эмаслигини исботлаб турибди. Эндилида янгиланаётган маънавият асосида мустақил, истиқлол мафкурасини яратиш кун тартибидаги долзарб масаладир.

Минг афсуслар бўлсинки, ижтимоий янгиланиш бошланганда марксизм-ленинизм мафкураси билан бирга умуман ҳар қандай мафкурадан ҳам воз кечишни зўр бериб тарғиб қилувчилар кўп эди. Ҳаттоки мафкура масаласи на матбуотда, на радио, на телекурсагуларда тилга олинмай қўйилди. Мафкура масаласига Президентимиз биринчи бўлиб барчанинг эътиборини жалб этди. У яқинда республикаимизнинг бир гуруҳ ёзувчилари билан учрашувда бу соҳада сустлик вужудга келганини, миллий истиқлол мафкураси ҳозирча йўқлигини айтиб тезда уни ишлаб чиқиш зарурлигини бежиз таъкидламади. Бу фикрни 1993 йил 6 май куни Республика Олий Кенгашининг ўн иккинчи сессиясида сўзлаган нутқида янада ривожлантириб Ислоҳ Қаримов шундай деди: «Олдимизда турган энг муҳим масала, бу миллий истиқлол мафкурасини яратиш ва ҳаётимизга тадбиқ этишдир.

Миллий истиқлол мафкураси халқимизнинг азалий анъаналарига, удумларига, тилига, дилига, руҳиятига асосланиб, келажакка ишонч меҳр-оқибат, инсоф, сабр-тоҳат, адолат, маърифат туйғуларини онгимизга сингдириш лозим».

Президентимизнинг фикрича бу мафкура халқимизда, ўзининг қудрати ва ҳимоясига суянган ҳолда, умуминсоний қадриятларга асосланиб, жаҳон ҳамжамиятида тараққий этган давлатлар орасида тенг ҳуқуқли ўлароқ муносиб ўрин эгаллашга доимий интилиш ҳиссини тарбияламоғи керак. Халқнинг маънавий дунёсини бойитиш мана шу мафкуранинг асоси бўлмоғи даркор. Шу маънода мафкурामиз одамларни бир-бирдан ажратмай, балки уларни бирлаштириши, уларнинг миллий ўзлигини англашга кўмаклашиши, Ватанининг чинакам жонкуярларини тарбиялаши лозим.

Бу мафкура зиддиятларни тинчлик йўли билан ҳал этиш, мувоза-

нат сақлаш, изчил ривожланиш ғоясини тарғиб қилиш, ақидачиликни, зўравонликни, тазийқни инкор этиб, фикрлар ранг-баранглигига, ижобий ташаббусларга кенг йўл бериши лозим. Шунингдек, бу мафкура ахлоқий ва ҳуқуқий тарбияга катта эътибор, қонунга сўзсиз риоя этиш, демократия ва ҳурфикрлиликка, давлатга катта ҳурмат ва интизом билан сугорилган бўлиши зарур.

Истиқлол мафкураси республика мустақиллигини мустаҳкамлаш, уни дунёда энг бой, илғор давлатга айлантириш, йисон ҳақ-ҳуқуқларини ҳимоя қилиш йўлида аниқ мақсадга бирлашган илмий асосланган тизимнинг йиғиндисидир. Юқорида саналган бу ҳар бир масаланинг ўз ғояси бор. Улар бирлашгандан кейингина бир бутун мафкурани ташкил қилади.

Мафкура жамиятнинг турли жабҳалари ҳақидаги янги иқтисодий, сиёсий, фалсафий, ахлоқий, ҳуқуқий, диний қарашларнинг мажмуасидан иборат бўлади.

Миллий истиқлол мафкураси бу миллий ватанпарварлик мафкураси бўлмоғи керак, чунки у она-Ватанга бўлган муҳаббат, уни жондан сезиш, арлоқлаш, унинг равнақи ҳақида қайғуриш ғояларининг йиғиндисидир. Бу мафкура жамиятдаги барча табақаларни, миллат ва элатларни ижтимоий-сиёсий кучлар ва ҳаракатларни бирлаштирувчи омилдир. Бу мафкура ҳар қандай партиявий мафкурадан юқори туради ва давлат, миллат тараққиётини белгилаб берувчи мафкуравий мезонларни ҳам қамраб олади.

Ўз моҳиятига кўра мафкура янги маънавиятнинг ютуқларини ифодаловчи назарий билимлар, қарашлар йиғиндисини сифатида жамият ривожланишида унга муҳим стратегик режа аҳамиятига эга бўлади. Шу ўринда ҳурматли академикимиз Музаффар Ҳайруллаевнинг «Совет давлати, КПСС; марксизм-ленинизм мафкураси ўрганишга, унинг ташвиқотига ва тарғиботига инҳоятда катта эътибор берганини шу маънада, кучни аямагани, у билан қанча-қанча давлат ташкилотлари шугуллангани бежиз эмас эди. Марксизм-ленинизм ғояси ташқарида яратилиб, сўнг Ўзбекистонга ҳам мажбуран олиб кирилади ва тарқатилади. Мустақил Ўзбекистонимиз тайёр мафкурага эга эмас ва ташқаридан тайёрини олмайди. Бу мафкурани ишлаб чиқиш ҳозирда муҳим аҳамият касб этади» — деган фикрларини айнан келтириш мақсадга мувофиқдир. Дарҳақиқат мафкура билан боғлиқ, муаммо ва вазифаларни собитқадамлик билан, чидам билан, матонат билан ҳал этиб, бажариб бориши ҳаётий масаладир. Мустақил истиқлол мафкурасини кимлар яратади, пиштади, ҳаётда синовдан ўтказишади, кенг жамоатчиликка уни сингдириб дастуруламал қилади, деган саволлар ҳозирги кунда ҳар бир ватанпарвар фуқарони қизиқтириши керак.

Бу мафкурани асослаш, унинг йўналишларини белгилаш аввало Республикаимиз Президентининг бир қатор китобларида баён этилди. Президентимиз кўрсатиб берган Ўзбекистоннинг буюк келажак сари ташлаётган улкан одимларининг асосий йўналишларини белгилловчи беш омил, беш принцип миллий истиқлол мафкурасининг негизини ташкил этади.

Миллий истиқлол мафкурасини шакллантириш мустақил тараққиётимизда амалга оширилаётган ислохотларнинг энг муҳим ажралмас қисмидир. Шу ўринда ҳар қандай мафкура бир кунда бир гуруҳ олиму сиёсатчилар томонидан бирданига яратилмаслигини унутмаслик керак, аксинча у маълум тарихий давр мобайнида инқилобий, зиддиятли жараёнлар натижасида шаклланади ва бу мафкуранинг негизида аввало туб аҳолининг, миллатининг мафкураси ётмоғи керак. Лекин ўз навбатида миллий истиқлол мафкураси фақатгина бир миллатнинг маифеатлари билан боғлиқ бўлиб қолмаслиги керак, чунки республикамиз замини доимо кўпмиллатли бўлиб келган ва шундай бўлиб қо-

лади. Барча миллатларнинг тенг ҳуқуқлилигини, қадр-қимматини, манфаатларини ҳимоя қилиш янги миллий истиқлол мафқурасининг моҳиятида катта ўрни эгалламоғи керак. Бу мафқурани ишлаб чиқиш, такомиллаштириб бориш, ҳалқимиз онгига сингдириб боришда бошқа соҳа ва фанларнинг иштироки ва аҳамиятини асло камситмаган ҳолда ижтимоий фанларнинг хизматлари алоҳида аҳамиятга молик эканлигини таъкидлаб ўтмоқчимиз. Ижтимоий фанлар олам, ижтимоий тараққиёт ҳақида назарий билимлар бериши билан ёшларнинг дунёқарашини, мафқурасини шакллантиришда етакчи роль ўйнайди. Дарҳақиқат истиқлол мафқурасини ишлаб чиқиш ва умуман барча фуқаролар онгига, жумладан жамиятимизнинг сиёсий жиҳатдан фаол қисми ҳисобланган ёшларга сингдиришда ижтимоий фанлар кўп ишларни амалга оширишлари керак бўлади.

Талабаларда илмий дунёқарашини шакллантиришда фалсафанинг хизмати беқиёсдир. Дарҳақиқат диалектик билиш назарияси, мушоҳада фалсафа унинг тамойилно, услуби, қонун ва категориялари барча фанлар учун ҳеч қачон ўзининг методологик ва назарий қимматини йўқотмайди. Шу жиҳатдан олганда диалектик услуб илмий дунёқарашнинг шаклланишида муҳим восита ролини ўйнамоғи, у бошқа ижтимоий-гуманитар ва аниқ фанларимизнинг устувор услуби бўлиб қолмоғи лозим. Зеро, фақат унинг ёрдамидагина кишиларнинг илмий ва амалий фаолиятларига оид масалаларнинг инсоният тақдирини ва истиқболини билан боғлиқ муаммоларни оқилона билиш, ечиш ва ҳал қилиш мумкиндир.

Талабалар илмий дунёқарашини шакллантиришда улар онгига иқтисодий тафаккурни қарор топтириш муҳим аҳамиятга эга. Ҳар бир фуқаронинг биринчи навбатда ёшларнинг ҳар бири ўзи истеъмол қилаётган ноз-неъматларнинг манбаларини, унга сарфланаётган куч ва бошқаларни идрок этмоғи, шу асосда қадрига етмоғи лозим. Шу билан бир қаторда иқтисодий билимларнинг марказида жонажон Ўзбекистоннинг иқтисодий мустақиллигини таъминлаш билан боғлиқ муаммо ва вазифаларни муваффақиятли ҳал қилиш йўл-йўриқларини ўргатишни ташкил этиб турмоқ зарурдир.

Жамиятимиз аъзоларини, жумладан, талаба ёшларини илмий дунёқарашини шакллантиришда уларнинг сиёсий маданияти ҳам жуда муҳим роль ўйнайди. Чунки, сиёсий маданият жамият маънавий ҳаётининг таркибий қисмларидан биридир. Ҳокимиятни амалга ошириш механизмида сиёсий маданият ҳам муҳим етакчи ўрнини эгаллайди.

Сиёсий маданият — бу фуқаролар сиёсий билимлари, баҳолари ва ҳаракатларининг даражаси ва характери, шунингдек, сиёсий муносабатларни бошқарувчи ижтимоий қадриятлар, анъаналар, қондаларнинг мазмуни ва сифати демакдир. Сиёсатшуносликнинг вазифаларидан бири ёшларда сиёсий маданиятини шакллантириш экан уларга омма сиёсий фаолиятининг маълум даражасини, ижтимоий аҳамиятга молик вазифаларини ҳал қилишда жамиятга қабул қилинган ҳуқуқий, ахлоқий метёрлар ва анъаналарга мувофиқ йўл тута билишни тақозо этиш сиёсий маданиятнинг негизини ташкил этишини уқтира билишдан иборатдир. Республикамызда содир бўлаётган чуқур ижтимоий-иқтисодий ўзгаришлар, миллий қадриятларнинг тикланиши ва миллий истиқлол мафқурасини ишлаб чиқиш ва ҳаётга тадбиқ этиш шароитида умуман сиёсий билимлар, сиёсий маданият ўта муҳим аҳамият касб этади.

Республикамыз мустақиллиги шароитида, мустақиллик мафқураси яратилаётган ҳозирги кунда одоб-ахлоқ ва тарбиянинг аҳамияти янада ошди. Мақсадимиз янги, адолатли жамият қуриш экан аввало одоб, ахлоқ ҳақидаги назарий билимларни чуқурлаштириш ва кенгайтириш ҳақида қайғуриш керак. Бу вазифани муваффақиятли, мақсадга муво-

фиқ ҳал этишда янгидан ташкил этилаётган «Одобнома» фани ва ка-
федраларининг хизматлари ниҳоятда зарурдир.

Одобнома фани инсонийлик зийнатларини мадҳ этар экан, аждод-
ларимизнинг, донишманд боболаримизнинг назарий қарашларидан
унумли фойдаланилган ҳолда шу хислатларни янги-янги қирраларни
замондошларимиздан топиб талабалар ҳукмига ҳавола этади. Демак,
у мукамал инсоннинг шаклланиши йўлидаги шарафли ва айни вақт-
да ҳаётий зарур вазифани амалга оширмақда.

Маълумки, 70 йиллик социалистик тараққиёт даврида ўзини оқла-
маган атенстик тарбия олиб борилиши туфайли миллий маънавияти-
мизга жуда катта зарар етказилди. Кўп ҳолларда динга қарши кураш
диндорларга қарши кураш билан онгли равишда алмаштирилиб келин-
ди. Дунёда тан олинган ислом таълимотининг улкан даҳолари (Ал-
Бухорий, Ат-Термизий, Боҳвуддин Нақшбанд, Аҳмад Яссавий ва бош-
қалар) бизнинг ватандошларимиз эканлигидан эндиликда ҳақли ра-
вишда фахрланишимиз, уларнинг улкан меросларидан фойдаланиши-
миз мумкин.

Динга, диндорларга, динга оид ёдгорликлар ва маънавий қадрият-
ларга, диний тарбия масалаларига қарашлар мустақиллик туфайли
тубдан ўзгарди. Президентимиз Ислоҳ Кардимов илгари йўл қўйилган
камчиликларни бартараф қилишга алоҳида эътибор бердилар. Эътиқод
эркинлиги қонулаштирилди. Ота-боболаримизнинг урф-одатлари қайта
тикланди. Сўнгги йилларда республикамызда минглаб масжидлар таъ-
мирланди, қурилди. Унлаб янги мадрасалар очилди ва уларнинг сони
ҳозирги кунда ўттизга яқинлашди. Ҳаж маросимида иштирок этишга
кенг йўл очиб берилди. Табиийки, Президентимиз тарафидан амалга
оширилаётган бу тадбирлар ислом динида айtilган барча фарзларни
бажаришга имкон беради ва халқимизнинг манфаатларини кўзловчи
сиёсатнинг ёрқин кўринишидир.

Шуларни ҳисобга олганда ёшларнинг илмий дунёқарашларини
шакллантиришда уларга маълум даражада дин тарихи, ислом ақида-
лари, шарият қондаларидан бериладиган маълумотлар ҳам роль ўй-
найди. Бунда кўпроқ ҳадисларнинг тарбиявий аҳамиятига эътиборни
кучайтириш зарур. Зеро кишиларни ҳалол, покиза, катта-кичikka
меҳр-шафқатли қилиб тарбиялашда ҳадисларнинг ҳам ҳиссаси катта
бўлиши мумкин. Яна шу нарсага эътиборни жалб қилиш керакки
диний билимлар, диний тарбия байроғи остида диний жаҳолат, ди-
ний мутаассиблик, диний маҳдудлик, бошқа динларга ва уларнинг
вакилларига нисбатан душманлик руҳини тарғиб қилиш ҳолатларидан
хушёрлик билан эҳтиёт бўлмоғи керак. Асло дин сиёсат эмаслигини
балки маънавият, иймон ва эътиқод эканлигини, ундан ҳокимият учун
кураш қуроли сифатида фойдаланиш мумкин эмаслигини унутмаслик
шарт. Ижтимоий фанлар ёшларни ислом фундаментализми ғояларига
тегишли зарба бера оладиган билимлар ва малакалар билан қурол-
лантириши зарур. Шунингдек, ҳаётимизда учраётган диний мар-
росимларни ҳаддан ташқари дабдабавозлик ва исрофгарчиликлар
билан ўтаётганлигига ва бунинг ниҳоятда гуноҳи азим эканлигига ҳам
ёшларимизни эътиборини қаратишимиз керак. Одатда аслида шарият
қоидаларига кўра диний маросимлар энг содда, камҳаражат ва энг
муҳим ҳеч қандай дабдабасиз тарзда ўтказиш зарурлиги ва бу нарса
савобдан ҳоли эмаслигини ҳам ёшларнинг қалбига етказиш шу ку-
нинг муҳим ҳаётий масаласидир.

Ёшларда замонавий дунёқарашни шакллантиришда яна бир қатор
гуманитар, ҳуқуқий фанларнинг ҳам аҳамияти катта.

Умуман олганда, юқорнда қисқача баён қилинган вазифаларни ба-
жариш борасида ижтимоий-гуманитар фанларнинг хизмати беқиёс
катта бўлиб, буни ҳисобга олмаслик кўпгина мураккабликларга сабаб

бўлиши мумкин. Афсуски ижтимоий фанларни ўқитиш, ўрганиш нақадар муҳим ва зарурлигига қарамасдан бу илмларни ўқитишдан воз кечишни кўтариб чиқувчилар ҳам учраб қолди. Бу ҳол ҳам мафкура-сизликни тарғиб қилиш, ҳар қандай мафкурадан қочишлар даврида авж олди. Ижтимоий фанларга нисбатан менсимаслик ҳоллари кучайди. Бу ҳол олий ўқув юртларида ижтимоий фанлар соатини қисқартириш, улардан бўладиган синовларни йўқ қилиш икки-уч кафедра-ларни қўшиб битта кафедрага тикиштириш каби ташаббусларда ўз ифодасини топмоқда.

Албатта ижтимоий фанларни янги жамият талаблари, мустақиллик, истиқлол мақсадлари асосида тубдан қайта кўриб чиқиш шарт. Бу соҳада фаол иш олиб борилмоқда ва сезиларли силжишларга эришилди.

Яна шунини таъкидлаш зарурки, ижтимоий фанларни янги сифат босқичига кўтариш ҳақида гап борар экан, албатта уларни ўқитиш, дарсликлар, адабиётлар, намунавий дастурлар яратиш ишига эътиборни кучайтириш даркор. Бу вазифаларни амалга оширишда фақатгина ижтимоий фан вакиллари ва кафедра-лари эмас, балки олий ўқув юртлари раҳбарияти, тегишли вазирликлардан ҳам катта эътибор ва масъулият талаб қилинади.

Бу соҳаларда кейинги вақтларда жонланиш рўй бермоқда. Ижтимоий фанларнинг турли масалаларига бағишланган илмий анжуманлар бўлиб ўтди. Яқинда республикамизда бўлиб ўтган ижтимоий-гуманитар фанларнинг умумий илмий анжумани бу соҳада қўйилган катта қадам бўлди. Унда ижтимоий-гуманитар фанларни ўқитиш, ўргатиш билан боғлиқ кўпгина муаммолар ҳал этилди ва ҳукуматимизга бир қатор тавсиялар тақдим этилди. Бу тавсиялар ҳаётга тадбиқ этилса ижтимоий фанлар ривожига жуда улкан ҳисса қўшилган бўлур эди.

Ижтимоий фан билан боғлиқ барча кафедра ва унинг аъзолари бутун куч-ғайратларини олдинда турган долзарб масалаларни муваффақиятли ҳал этишга сафарбар қилсаларгина бу фанлар олдига қўйилаётган улкан вазифаларни бажаришга қодир бўладилар.

Бу вазифалар орасида юқорида қайд этганимиздек истиқлол мафкурасини ишлаб чиқишга ўз ҳиссасини қўшиш бу ишда қарвонбошлик қилиш вазифаси ажралиб туради. Зеро, бу вазифа энг масъулиятли ва энг мураккаб вазифа ҳисобланади.

Асосий вазифа миллий истиқлол мафкурасини яратиш, уни халқ орасида тез ва кенг ёйишдир. Ҳар қандай янги гоя, мафкура омманинг онгига чуқур сингдирилгандагина катта ижтимоий кучга айланади. Бу ўринда албатта омманинг миллий онги, умумий маданий савиясини кўтаришга ҳам катта эътибор бермоқ керак.

Ижтимоий фанлар ва уларнинг вакиллари — файласуфлар, иқтисодчилар, ҳуқуқшунослар, сиёсатшунослар, одобномачилар, тарихчиларнинг янги истиқлол мафкурасини ишлаб чиқиш, такомиллаштириш ва халқ орасида тарғиб қилиш ишида иштирок этиши уларнинг асосий вазифаси ва фуқаролик бурчидир.

Р. А. ХАЛБАЕВА

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Приобретение независимости Узбекистаном и другими централь-ноазиатскими республиками поставило их в новые политические и эконо-мические условия. Среди множества проблем, требующих скорейшего решения, выделяется вопрос вододеления на водотоках — реках и кана-лах — бассейна Аральского моря. Главные реки региона и их прито-

ки в настоящее время приобрели статус международных и в этой связи возрастает их значение в социально-экономическом, политическом и правовом развитии центральноазиатских государств.

Правовое регулирование деятельности государств по рациональному использованию и охране международных речных бассейнов осуществляется на основе специальных норм в виде заключенных и действующих договоров, соглашений и конвенций, однако расширение и интенсификация технической, социальной, экологической и научной деятельности Узбекистана в международных водных бассейнах порождает новые проблемы, требующие экономического и правового решения. С целью улучшения, сохранения и использования международных водных ресурсов Узбекистан, как и многие правовые государства, стремится занять четкую позицию в установлении и укреплении сотрудничества между государствами. Растущие потребности в водных ресурсах обуславливают необходимость комплексного подхода к водопользованию и водораспределению на международных речных бассейнах с учетом усиливающейся экономической и экологической взаимозависимости, выходящей за пределы национальных границ.

Международно-правовое регулирование режима водопользования и водораспределения международных речных бассейнов — сложная проблема, ибо каждая река в бассейне и сам бассейн уникальны и характеризуются множеством видов формирования и использования вод. Возможность использования международных речных бассейнов у разных государств различна, поскольку они отличаются разными природными, демографическими, климатическими, правовыми и социально-экономическими особенностями.

В научной литературе по-разному трактуется содержание термина «международная река» из-за разногласия в оценке критерия его определения. Одни авторы международной называют реку, по которой осуществляется международное судоходство, другие — исходят из географического признака реки, и если она протекает по территории двух и более государств, то дают ей статус международной, несмотря на наличие или отсутствие международного судоходства. В Хельсинкских правилах, принятых в 1966 г. Ассоциацией международного права, международный дренажный бассейн определяется как географический район, охватывающий два и более государств и определяющийся границами водораздела, включая поверхностные и подземные воды. Здесь термин «международный дренажный бассейн» включает в себя и международные реки.

В последние годы приоритетное направление получает концепция рационального разделения природных ресурсов и сотрудничества между государствами в отношении взаимовыгодного использования водных ресурсов на международно-правовой основе. В доктрине международного права к разделяемым природным ресурсам относятся ресурсы биофизического единства, расположенные на территории двух и более государств. Современная концепция разделяемых природных ресурсов, отражая особенности в изменении использования международных рек и способствуя развитию новых видов водопользования, порождает специфические аспекты правового регулирования режима рек, связанные с другими отраслями и институтами международного права. Водораспределение международной реки, модифицирующее качественный уровень вод, поднимает вопрос суверенитета; промышленное водопользование приводит к экологическим проблемам; мониторинг вод требует международного сотрудничества государств.

Проблема правового регулирования режима рек бассейна Аральского моря имеет свои экономические и политические аспекты. Природно-географическая неоднородность государств бассейна, многообра-

зне количественных и качественных показателей водопользования, отличие стажа использования рек и другие факторы усложняют международно-правовое регулирование использования водных ресурсов в этом регионе.

Узбекистан, став суверенным правовым государством и частью мирового сообщества, свои отношения в области использования и охраны водных ресурсов бассейна Аральского моря строит на правовой основе. Принятые в Республике Узбекистан в декабре 1992 г. Закон «Об охране природы» и в мае 1993 г. Законы «О воде и водопользовании», «Об особо охраняемых природных территориях», а также другие правовые акты экологического значения, определяя основные направления в стратегии по охране, воспроизводству и использованию природных ресурсов, соответствуют по своему содержанию новому демократическому этапу общественного развития.

В нашей республике углубление процессов формирования природопользовательного и природоохранного законодательства осуществляется в соответствии с основными принципами международного права. При этом совершенствуются концептуальные основы взаимодействия отраслей и институтов международного и государственного права, формируются организационные и экономические механизмы исполнения правовых обязательств. Природоохранное законодательство Узбекистана, закрепляя позитивные общепризнанные стандарты, укрепляет международно-правовую основу бассейнового водораспределения.

Реализация международно-правовой концепции водопользования приводит к появлению общепризнанного принципа международной экологической безопасности, получающей ныне все более отчетливое договорное закрепление. Правореализация этой концепции водопользования обуславливает формирование качественно новых по своей социальной сущности принципов международного права, составляющих основу новой, экологической отрасли общего международного права. Важнейшие из них — принцип суверенитета над водными ресурсами, в соответствии с которым право государства на свои водные ресурсы, их использование, воспроизводство и охрану является необходимым элементом его суверенитета; принцип упреждения ущерба природным ресурсам за пределами юрисдикции государства; принцип предотвращения ухудшения, загрязнения, истощения водных ресурсов и их негативного влияния на природную среду; принцип экологической оценки проектов водохозяйственной и иной деятельности государств; принцип сотрудничества государств по осуществлению мониторинга вод, в управлении, прогнозировании, экспертизе и контроле в области водораспределения и водопользования; принцип взаимовыгодных консультаций заинтересованных государств в ситуациях, развитие которых создает или может создать угрозу международной экологической безопасности.

В марте 1993 г. в г. Кзыл-Орда главами центральноазиатских государств в целях рационального использования и охраны земельно-водных ресурсов бассейна Аральского моря подписано Соглашение, создан на паритетной основе Межгосударственный Совет и при нем Исполнительный комитет, учрежден Международный фонд спасения Арала, принято обращение в ООН с просьбой к странам-членам ООН принять меры по оздоровлению Приаралья. В обращении отмечено, что аральский кризис является глобальной экологической катастрофой. Новые органы призваны разработать проект совместной концепции экологически эффективного природопользования в регионе, подготовить скоординированную программу по комплексу научных исследований и разработок и создать информационную систему мониторинга состояния природной среды.

Соглашение, являясь правовым документом, подводящим юриди-

ческую базу под совместную деятельность государств в решении экологических и водораспределительных проблем, предусматривает совершенствование системы и повышение дисциплины водопользования в этом бассейне. Оно открыто для присоединения к нему других государств, заинтересованных в решении аральской проблемы. Генезис международного сотрудничества здесь обусловлен совокупностью природоохранных факторов материального и социального характера, проявляющих себя не абстрактно, а конкретно и реально. Тенденция формирования таких соглашений, действующих в сфере международных отношений, порождается потребностью в правовом регулировании использования ограниченных природных ресурсов.

Основы организационных мероприятий по спасению Арала и концепции таких международно-правовых документов, как Соглашение, predeterminedены необходимостью достижения общемирового согласия в решении глобальной проблемы. Но реализация системы мер по этому бассейну, выражаемой в осознанных устремлениях, мотивах и целях субъектов, возможна лишь в процессе согласования воли формирования международного и государственного правоположения и признания за ним юридической силы. При этом международное правотворчество как взаимообусловленный механизм действия объективных закономерностей права вызывает необходимость формирования механизма его исполнения на основе нормотворческой цели и функции государства, их внешнеполитических и дипломатических позиций, форм и методов согласования воли и фиксирования ее в соответствующих документах.

Совокупность детерминантов Приаралья делает международное правотворчество объективным и предопределяет наличие внутренних законов социальных отношений. Тем самым фиксируется специфическое место субъективного по отношению к объективному и его существенное положение в ходе законодательства. Роль объективного положения этого региона в генезисе международного права устанавливает широкий диапазон деятельности государств и других участников международного сотрудничества. Для получения санкции в форме закона экономические, экологические, природоресурсные и другие факты должны иметь форму юридического мотива, поэтому от степени полноты, точности и объема фиксации субъективных требований, исходящих от объективного, а также от его собственных регулятивных возможностей зависит эффективность согласования воли государств в решении глобальной аральской проблемы.

Соглашение о совместных действиях по решению проблем Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона юридически подтверждает призерженность центральноазиатских государств принципам международного права, уважения взаимных интересов государств-участников, составивших документ, в решении проблем водопользования. Этот документ международного права обладает относительной самостоятельностью и выражает концепцию многоуровневой сущности права. Системная организация международного права является результатом согласованной воли его субъектов и формирует юридическое содержание права. Кроме того, реальность права здесь является отражением социально-материальных факторов производственных отношений в решении общей проблемы рационального водопользования.

Особенности современного международного права таковы, что активная и творческая роль Узбекистана и центральноазиатских государств в их общественном прогрессе неизмеримо возросла. Готовность решения глобальной проблемы организует основу развития их по направлению от правового государства к правовому миру. Возрастающее значение водопользования и природоохранного фактора в междуна-

родных отношениях предопределяется природой нового правового регулирования межгосударственных отношений и глубокими изменениями его юридической надстройки. И только через многогранную деятельность Узбекистана и других государств, обладающих суверенитетом и правосубъектностью, возможно нормирование международных отношений и формирование системы международно-правовых норм в оптимальном использовании и охране ограниченных водных ресурсов. При этом усиление интереса государств к улучшению юридических правил, их прогрессивному развитию, особенно при поисках эффективного решения локальных проблем, может в значительной степени способствовать совершенствованию направленности их безопасности и сотрудничеству через право.

Единство таких феноменов, как государственное, международное, водное и экологическое право, и существующая между ними тесная органичная связь, проявляющаяся при нормообразовании и правореализации, имеет исторические предпосылки. В процессе образования правовых норм межгосударственного экологически эффективного водораспределения как Узбекистану, так и всем центральноазиатским государствам отводится важная роль, потому что правотворчество приобретает форму согласования их воли. Здесь право проходит через волю государства и в форме правового акта приобретает всеобщее значение. В оценке их решающую роль приобретают такие факторы, как мораль, справедливость, правосознание, ценность ориентации участников правотворческого процесса.

При правовом регулировании водных отношений в Центральной Азии государства должны выступать в единстве экологического и геоэкологического начал и выполнять не только логические правила правовых актов, но и социальные императивы, соблюдать принципы международного права и правила юридической техники, имеющей решающее значение в результативности достижения согласованных обязанностей. С этими аспектами в аральское Соглашение заложен прогноз создания условий наибольшего благоприятствования, льготных и протекционистских мер для инвесторов, вкладывающих свои средства в программы и работы, направленные на экологическое оздоровление и социально-экономическое развитие региона.

Реальная совокупность потребностей государств в правовой охране природных ресурсов объединяет интересы различных стран и международных организаций. Это обуславливает стратегию и тактику процесса нормообразования, характер и пути его совершенствования. Реализация потребностей может определить степень социально-экономической ценности международного права. Важная роль здесь принадлежит тенденции социальной ориентации Узбекистана применительно к конкретной международной ситуации, в частности гидроэкологической.

Формирующаяся в последнее время позиция Узбекистана определяется не только потребностями, но и интересами. В разные периоды Узбекистан обладая совокупностью различных потребностей и интересов, которые влияли на уровень внешнеполитических запросов, определяя предпосылки согласования позиций. В современных условиях особое значение приобретают рост общих интересов человечества и качественная переориентация международного права в целях улучшения сотрудничества в экологически эффективном природопользовании. Реальная действительность обуславливает необходимость делегировать международной организации долю национальных прерогатив и усилить правореализацию в специфических аспектах укрепления и развития суверенитета государства с учетом объективных факторов.

Основной Закон нашей республики даже в своем преамбульном положении предусматривает признание приоритета общепризнанных норм международного права и оно распространяется на международ-

ные договоры по использованию и охране природных ресурсов. Поэтому соблюдение международных обязательств по Аралу в республике гарантировано конституционным институтом, имеющим характер отношений должностования. Это глубинное свойство отражает существование объективных потребностей развития общества в нормальной окружающей среде, желание сотрудничества с другими государствами и субъектами международного права и осознание безотлагательности объединения материальных и финансовых ресурсов для преодоления кризисной ситуации и создания системы экологической безопасности в регионе.

Согласно п. 4 ст. 93 Конституции Республики Узбекистан, соблюдение заключенных нашим государством договоров, соглашений и принятых им обязательств должно обеспечиваться на уровне президентской гарантии. Обязательность выполнения аральского Соглашения — важный элемент самосохранения и развития государств во взаимодействии друг с другом, подтверждение объективного фактора — существования целостного и взаимосвязанного мира. Здесь выполнение обязательств должно быть не только действительным, но и действующим с учетом требований национального законодательства. Важным аспектом введения международного соглашения в действие, содержащимся в тексте документа и корреспондирующим национальному законодательству, является условие ратификации договора. В соответствии с п. 21 ст. 78 Конституции, в нашей республике ратификация международных соглашений относится к исключительным полномочиям Верховного Совета Республики.

Поскольку аральское Соглашение открыто для присоединения к нему любого государства, заинтересованного в достижении содержащихся в нем целей и задач, то можно заключить, что объективно формирующаяся юридическая позиция государств определяется не только потребностями, но и интересами. Следовательно, обе категории тесно взаимосвязаны друг с другом. Здесь при формировании международно-правовых основ рационального водопользования потребность выражает отношение социальной необходимости; интересы же выявляют отношения, в пределах которых может реализоваться потребность. Категория «интерес» имеет большое значение для генезиса воли государства в национальном праве и оказывает влияние на волеизъявление государств в международном праве.

Государства Центральной Азии в разные периоды обладали различной совокупностью потребностей и интересов, которая определяла их поведение, индивидуализировала уровень внешнеполитических запросов. Сейчас приобретает особое историческое значение тенденция объективного роста общих экологических интересов человечества и соответственно качественной переориентации международного права, которое, очевидно, в перспективе будет в этом аспекте правом ответственности государств перед человечеством. Поэтому международное правотворчество и процесс согласования государственных потребностей и интересов призваны устанавливать и регулировать общепринятые ценности, имеющие преимущество перед иными системами социальных интересов.

Природопользовательные и природоохранные положения международно-правовых документов по мере обострения проблем экологии и дефицита природных ресурсов получают усиливающийся источник своей эффективности и социальной ценности, который реально способствует утверждению примата международного права в межгосударственных отношениях. В этом аспекте решению экологических проблем водопользования отвечает юридическое признание общих интересов и закрепление их в качестве своеобразных ориентиров международного правотворчества.

Отдельные положения аральского Соглашения показывают, что направление на утверждение этой категории договоров между государствами формирует аспекты расширения заинтересованности международного сообщества в кодификации и прогрессивном развитии международного права. Открытость Соглашения для присоединения к нему других государств, заинтересованных в решении экологических проблем, создает возможности объединения экологических обществ, фондов, юридических и физических лиц, статус которых нуждается в законодательном оформлении через организацию партнерства с государством и его органами. Доступность водного, экологического законодательства в центральноазиатских государствах и открытость Соглашения усилят стимулирующую природоохранную активность граждан, эколого-правовое воспитание населения и включение человеческого потенциала и заинтересованности в повсеместной правореализации экологических положений.

Как и многие прогрессивные международные документы, в частности как «Меморандум о развитии международного права», аральское Соглашение представляется обоснованным и логичным и от его качественных параметров зависит адекватность отражения интересов государств в правовой форме, их преломление в стадии соблюдения, выполнения и применения юридических правил поведения при вододелении.

При учете диалектики социального и экологического в международных отношениях, когда первое взаимосвязано со вторым, находя в нем специфическое средство самовыражения и материализации, развитая нормативная система такого уровня представляет собой социальное благо, нацеленное на защиту интересов государств. Соглашение, активизируя волеизъявление в области природоохраны, повышает уровень согласования воле центральноазиатских государств на основе новых концепций национального суверенитета и делегирует международной организации — Межгосударственному Совету долю национальных прерогатив.

Юридической базой решения региональных экологических проблем водопользования служат положения новых Конституций государств Центральной Азии. Многие их статьи посвящены рациональному использованию и охране природных ресурсов и признанию приоритетов норм международного права. Есть статьи, посвященные основным правам, свободам и обязанностям человека и гражданина, в том числе по охране природной среды. Главное достоинство их — в том, что закрепляемые права и свободы гражданина приведены в соответствие с международными стандартами прав человека. Высшей ценностью объявлен человек и этим определяется значимость охраны окружающей его среды. Следует отметить и то, что конституционные статьи исходят из приоритета личных прав и свобод, и политические, социально-экономические и личные права и свободы четко обозначены. Совокупность экономических, организационных, правовых и иных мер, зафиксированных в Основных Законах, может также войти в основу осуществления региональных программ водопользования и дальнейших действий в отношениях с окружающей природной средой.

Концептуальные положения Конституций развиваются в отраслевых законодательствах государств, что способствует поиску имманентных связей и отношений между экологическими и другими нормами и принципами Основных Законов; выявлению тенденций и перспектив их развития, места и характера конституционного института рационального водопользования и его компонентов; анализу методов конституционного воздействия, их взаимоотношений и взаимодействия в перспективном водообеспечении регионов; ускорению реализации конституционных экологических предписаний в настоящем и будущем,

укреплению межнационального согласия и совершенствованию межгосударственных отношений.

В новых Конституциях и природоохранных законах суверенных государств Центральной Азии выявлены роли исполнительных и распорядительных органов государственной власти, значение правотворческой, оперативной-исполнительной, контрольной и правоохранительной форм их деятельности по организации рационального использования и охраны природных ресурсов; раскрываются проблемы конституционно-правового стимулирования природоохранной активности граждан, ответственности, гласности и актуальных направлений экономико-правового воспитания населения в области охраны природной среды.

Важнейшие природные ресурсы — земля и вода — наиболее часто по сравнению с другими природными объектами подвергаются конституционно-правовому регулированию. Правовые проблемы использования этих ресурсов связаны с противоречием, вызванным, с одной стороны, применением их для нужд продовольственной и иной производственной программы, а с другой, — их базисным положением в целях охраны окружающей среды. Глубинные процессы и связи, сформировавшиеся вокруг водопользования для нужд сельскохозяйственного производства, воспринимались всегда как облагораживающие природу процессы. Однако все более убедительным становится противоречие с окружающей средой, когда водопользование при орошаемом земледелии является ее загрязнителем. Поэтому использование водных ресурсов в этих целях начинает ограничиваться, и это находит отражение в правовых актах.

Содружество суверенных государств по региональным проблемам водопользования строится на основе международного права, что позитивно меняет концептуальные оценки взаимодействия отраслей и институтов международного, конституционного, экологического, земельного и водного права. При этом должны совершенствоваться контрольные и экспертные механизмы международно-правовых обязательств, система исполнения согласованных норм, гарантии эффективной реализации международных правил поведения и механизмы усиления законности экологически эффективного водопользования.

Международно-правовое регулирование режима водораспределения требует оптимизации норм и улучшения порядка гидроэкологической экспертизы на основе принципов законности, научной обоснованности, гласности и долгосрочного прогнозирования. Проведение экспертизы с оценкой полноты и обоснованности предусматриваемых мер по рационализации и охране водных ресурсов становится обязательным в процессе законотворческой, инвестиционной, управленческой и иной деятельности, влияющей на состояние природной среды. Здесь позитивным аспектом может стать мелиоративно-экологический мониторинг вод при орошаемом земледелии. Но для этого тоже надо иметь экологическую, экспертную оценку мелиоративных мероприятий по бассейнам рек и научные разработки экономико-правовых аспектов рационального водопользования в масштабах всего центральноазиатского региона.

Тенденция развития международного сотрудничества по водопользованию и водораспределению обуславливает необходимость создания специальных законов о государственном иммунитете и экологической экспертизе. При этом совокупность гидроэкологических норм, регулирующих режим международных рек и дающих возможность оценки воздействия на водные ресурсы, представляет собой правовой институт, имеющий важное значение в обеспечении экологической безопасности государств. Принципы гидроэкологической экспертизы могут уточняться при решении конкретных проблем водопользования как на национальном, так и на международном уровне. В основу методики могут

войти контрольные листы, матрицы, методы сетей, совмещенного анализа карт, оценки риска, прогнозирования социального воздействия на гидросферу.

Реальность угрозы, возможный масштаб и последствия экологической катастрофы Аральского моря обуславливают необходимость создания института гидроэкологической экспертизы. Как особая форма экологического прогнозирования и контроля гидроэкологической экспертиза должна состоять из нескольких стадий: экспертизы результатов предварительной оценки воздействия намечаемых проектов и действующих объектов экономического развития на водные ресурсы; экспертизы результатов оценки воздействия на воды: послепроектного анализа действующих объектов, в том числе прошедших ранее экспертизу. Этот процесс призван охватить все этапы создания и функционирования объектов, начиная с момента возникновения идеи о создании объекта и заканчивая его послеликвидационным циклом.

Сотрудничество центральноазиатских государств по рациональному использованию и охране водных ресурсов и ориентация на экологическую политику делают необходимым согласование организации гидроэкологической экспертизы. В этих целях создается специальный орган при Межгосударственном Совете по проблемам бассейна Аральского моря. Сам Совет призван определять основные направления социально-экономического и экологического развития государств региона по вопросам, представляющим взаимные интересы; устанавливать требования экологической безопасности, утверждать программы совместных действий, проведения научных исследований и разработок и контролировать ход их выполнения. Он может рекомендовать к утверждению межгосударственные правовые и нормативные акты, общие для всех государств региона, принципы управления, использования и охраны водных ресурсов, регулировать межгосударственные отношения в области природопользовательной и природоохранной деятельности. Совет призван утверждать планы совместных действий этих государств по решению проблем Аральского моря, спасения Приаралья и оздоровления экологической ситуации в регионе, планы финансирования совместных программ, проведения научных исследований, технико-экономических и проектных разработок и контролировать их осуществление. Ему поручено создавать унифицированную систему мониторинга, банка данных и другие системы наблюдений и контроля за состоянием природной среды в бассейне Арала.

В качестве смежных с контролем, но самостоятельных видов деятельности Совета могут быть рекомендованы гидроэкологический мониторинг и гидроэкологическая экспертиза. Задачи первого — своевременное выявление, анализ, оценка, выработка на этой основе рекомендаций и прогноз по предупреждению негативных процессов. Его содержание — процесс наблюдений, сбора, преобразования и передачи информации о состоянии естественных и антропогенных изменений водных ресурсов, природной среды и ответных реакций на них экосистем, ландшафтов и биосферы.

Исходя из целей и задач мониторинга, в качестве его основных функций определяются — информационная, аналитическая и прогностическая. Информационная функция состоит в сборе данных в процессе наблюдения о фактическом состоянии водных ресурсов, воздействии их и на них окружающей среды. Аналитическая функция заключается в анализе и оценке возможного ущерба от антропогенного и естественного воздействия, с одной стороны, а с другой, — в определении водных резервов для их использования. Прогностическая функция опирается на данные, полученные при наблюдениях и анализе результатов наблюдений. Прогнозируются изменения интенсивности источников и факторов воздействия на водные ресурсы и их самих на природную, окру-

жающую среду, а также возможные в результате этого изменения в гидроэкосистемах. Отсюда под гидроэкологическим мониторингом понимается процесс сбора, преобразования и передачи информации о состоянии, естественных и антропогенных изменениях водных ресурсов, опасных реакциях на них гидроэкосистем для их своевременного выявления, анализа, оценки, выработки на этой основе рекомендаций и прогнозов по предупреждению и устранению негативных процессов в целях обеспечения экологической безопасности населения, рационального использования водных ресурсов, охраны природной среды и формирования экономического, экологического и правового обеспечения водопользования.

Под гидроэкологической экспертизой здесь понимается специальный комплекс действий межгосударственного органа и создаваемой им экспертной комиссии, а также отдельных экспертов по исследованию и оценке прогнозных, предпроектных, проектных материалов, проектов законодательных и иных нормативно-правовых актов, проектов стандартов и иной нормативно-технической документации, гидроэкологических обоснований, лицензий и сертификатов, а также новой техники, технологии, материалов и веществ с позиций их соответствия гидроэкологическим нормам, правилам и нормативам, соблюдение которых, в соответствии с законодательством, необходимо на любой стадии хозяйственной деятельности. Гидроэкологическая экспертиза — самостоятельная функция экологического управления, а одновременно — смежный с контролем вид деятельности. Такая экспертиза как нормативно-правовая гарантия является способом обеспечения реализации других функций управления и элементом экономического решения экологических проблем водопользования, а издаваемые для или в процессе его осуществления акты использования водного и экологического права — элементом правового механизма реализации рационального водопользования и водораспределения.

Использование экологической экспертизы в оптимизации водопользования ускорит правореализацию при формировании рыночных отношений в Узбекистане. Осуществление такой экспертизы с этих позиций позволит отслеживать изменения целей, видов и задач функциональной и структурной организации форм и методов экологических проблем водопользования; осуществлять водораспределение не только с традиционной административно-правовой позиции, но и как категорию экономическую, в рамках рыночных отношений.

Правовое регулирование рационального водопользования в Узбекистане, базируясь на экономическом механизме стимулирования оптимальной водосохранный и водопользовательской деятельности предприятий, учреждений и организаций, должно включать:

финансовую базу, формирующуюся в кредитно-финансовой системе новых структур в виде экологических банков как особых государственных учреждений, которые позволяли бы осуществлять не только сугубо финансовые операции, но и функции объединения средств различных экологических органов, общественных организаций, физических и юридических лиц, координации и контроля их расходования, предотвращая их распыление и неэффективную трату;

гидроэкологическую индустрию и экобизнес как отрасль, которую составят государственные, кооперативные, общественные, частные, смешанные с участием иностранного капитала предприятия и организации экологического профиля: по переработке промышленных, бытовых и прочих сточных вод, защите водных ресурсов, мелнированию земель, повышению плодородия почв, продуктивности орошаемых земель, производству экологически чистых продуктов питания, воспроизводству водных ресурсов, водоустройству территорий, оптимизации водобеспечения жизненных пространств, разработке и использованию водосбере-

гающих технологий, разведению редких и менее влаголюбивых растений;

рынок гидроэкологической техники и услуг, который на базе гидроэкоиндустрии и в сочетании с координацией капитальных вложений и расходовании средств водоохранного назначения в рамках предлагаемых новых финансовых структур должен заменить планирование и материально-техническое обеспечение водоохраных мероприятий в устаревшем их виде.

Нормальное функционирование гидроэкорынка возможно лишь при соблюдении ряда условий, в том числе при наличии отработанной системы государственного правового регулирования. Его функциями могут стать, в частности, эколого-экономическое аудиторирование, аккредитация, стандартизация, лицензирование, сертификация, льготное налогообложение, экспертиза и контроль. Углубление экономических реформ и актуализация экологических проблем водопользования бассейна рек Аральского моря требуют качественно нового научного обоснования эффективности инвестиций в реконструкцию производства с целью рационального использования и охраны водных ресурсов при рыночных отношениях. В большей степени это относится к объектам мелиорации, где особую значимость приобретает процесс внедрения ресурсосберегающих и природоохраных технологий, способствующих увеличению производства сельскохозяйственной продукции и предотвращающий деградацию природной среды. Необходимость совершенствования методики соизмерения затрат и результатов с учетом природоохраных требований обуславливается потребностями практики в принятии оптимальных инвестиционных решений, особенно на уровне международно-правового регулирования экологического режима водопользования. Определяющим фактором является ресурсосбережение, получающее реальное экономическое содержание через действенный механизм платного природопользования и расширяющее сферу применения дипломатических и международно-правовых средств по охране водных ресурсов.

Расширяющаяся сфера деятельности Узбекистана по экологически эффективному водопользованию свидетельствует о нарастающем углублении мирового интеграционного процесса, а также о том, что основной формой его стали международно-правовые институты. Возрастающая институционализация международных водных отношений становится знаменем времени в Центральной Азии. Дополняя договорные связи между государствами этого региона организационными связями по экологически эффективному водопользованию, международные организации создаются на уровне международной интеграции. Процесс этот развивается с различной степенью интенсивности и глубины, предопределяя решение проблем водопользования и водораспределения на основе международно-правовой концепции в интересах каждой страны и мирового сообщества в целом.

А. М. КАДЫРОВ, Г. С. ШАМИРЗАЕВА

РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ, ЕЕ ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Состояние, в котором находится в настоящее время экономика республики, требует неординарных подходов для обеспечения ее подъема и последующего развития. Этого можно достичь лишь на основе комплекса экономических и правовых реформ по изменению административно-централизованной системы хозяйствования в направлении перехода к экономике смешанного типа, базирующейся на рыночных отношениях.

Это требует коренного изменения отношения государства к негосударственным формам собственности на средства производства, в первую очередь на землю, т. е. глубокой реформы собственности, особенно в части создания равных экономических и правовых условий функционирования производителей с различной формой собственности.

Цели приватизации: формирование системы собственников и капиталов, конкурирующих между собой; повышение эффективности производства и освобождение государства от решения отдельных хозяйственных задач; соединение государственной структурной политики с организацией инвестиционного процесса; формирование рынка капитала и необходимой для этого инфраструктуры.

В среде с недостаточно развитыми рыночными отношениями масштабная и быстрая приватизация государственной собственности сопряжена со значительными трудностями и сама по себе не означает усиления конкуренции.

В условиях нынешней экономической ситуации существует ряд причин и условий, затрудняющих начало процесса приватизации:

- спад производства и разрыв хозяйственных связей;
- процесс инфляции;
- отсутствие до последнего времени национальной валюты;
- трудности с сохранением индустриальной базы и научно-технического потенциала;
- различное отношение разных социальных групп населения к проблеме приватизации;
- отсутствие частного сектора, финансово-посреднических структур и механизма размещения ценных бумаг;
- технические и организационные сложности, отсутствие системы частного права, подготовленных кадров менеджеров и др.

Темпы и масштабы приватизации нельзя поднимать идеологической конъюнктуре. Необходимость индивидуального, учитывающего региональные и отраслевые особенности (где имеется основа для развития конкурентной сферы) подхода к приватизации государственных предприятий (в переходный период составляющих основу народного хозяйства и стабильности экономики) должна быть учтена при определении стратегии и тактики реформы собственности.

На наш взгляд, процесс приватизации должен пройти два основных этапа.

I этап. Основным направлением хозяйствования в стартовый период является принудительная коммерциализация (за исключением отраслей и предприятий, не подлежащих приватизации) всех государственных предприятий с кардинальным изменением режима хозяйствования (экономическая самостоятельность, отказ от государственных дотаций и др.). При этом начальной, наиболее доступной и результативной сферой создания рыночного механизма являются сельское хозяйство, а также торговля и другие сферы обслуживания.

Основные цели этого этапа заключаются в следующем:

- повышение экономической активности всех работников и тем самым создание социально-экономической базы реформы;
- создание территориальных товарных рынков;
- подготовка к превращению товаропроизводителя в рыночного субъекта (через приватизацию) под контролем государства; оценка хозяйственной деятельности и производственных ресурсов через рыночные механизмы (в том числе повышение рыночной стоимости приватизируемого объекта);
- формирование рыночной инфраструктуры (банки, биржи, финансово-инвестиционные компании и др.) приватизации;
- повышение доходов работников и стабилизация потребительского рынка.

Экономический механизм стимулирования реализации сводится прежде всего к следующему:

— все фонды, создаваемые после коммерциализации за счет прибыли, которая остается в распоряжении предприятия, становятся долевой собственностью членов трудового коллектива;

— в процессе приватизации коллектив арендуемого предприятия получает преимущественные права на выкуп имущества.

Земельные отношения в несельскохозяйственной сфере должны быть определены правовыми и экономическими механизмами, регулирующими земельные отношения органов самоуправления с юридическими и физическими лицами; в этот период приоритетным следует признать арендное землепользование.

В сельскохозяйственном землепользовании необходимо отделение прав собственности от прав хозяйствования с созданием механизма экономического регулирования и стимулирования рационального использования земельно-водных ресурсов.

Апробация на конкретных объектах форм, сроков и подходов к разгосударвлению сводится к следующему:

— акционирование крупных промышленных предприятий с высоким научно-техническим потенциалом и выходом на внешний рынок, имеющих тесную хозяйственную связь с предприятиями-смежниками на территории СНГ (самолетостроение, сельхозмашиностроение и др.). Необходима разработка подходов к акционированию с участием предприятий-смежников с последующим приданием им форм транснациональных корпораций (ТНК), созданием крупных акционерных производственно-финансовых корпораций. Главная цель создания таких форм — сохранение индустриальной базы структуры экономики;

— акционирование государственных предприятий с созданием и отработкой механизма холдинговых, трастовых компаний (без допущения монополизации производства) с отработкой механизма антимонопольного регулирования, включая автономное управление; отработка механизма приватизации по производственно-технологической цепочке;

— массовая аренда мелких и средних предприятий (до 500 работников) с правом выкупа имущества;

— сохранение контрольного пакета акций за государством на смешанных предприятиях со свободной продажей акций нескольким группам: коллективу, финансовым институтам и др.;

— установление для убыточных предприятий (после экспертной оценки) определенного времени для улучшения их хозяйственной деятельности при введении строгих бюджетных ограничений. Предприятия, не сумевшие ликвидировать убыточность, продаются с аукциона (в процессе этого отрабатываются закон «О банкротстве», механизм конкурсной и аукционной продажи и др.);

— перевод на арендную форму (в том числе индивидуальную) торговли (включая оптовую), бытового обслуживания и транспорта с последующей их приватизацией.

Развитие рыночной инфраструктуры приватизации предполагает создание инвестиционно-кредитных банков, включая ипотечные и залоговые, с правами финансовых корпораций, системы бирж (как универсальных, так и специализированных), страховых компаний и др. Допускается выпуск акций с определением доли государства, часть которой бесплатно передается пенсионным фондам, системам образования и социального обеспечения и др., а часть может быть продана.

Иностранные инвестиции, возлагаемые в процессе приватизации, требуют выделения категорий предприятий с определением доли иностранного участия, при этом инвесторам должно быть предоставлено право приобретения в полную собственность небольших убыточных предприятий и объектов незавершенного строительства.

Незавершенные строительством объекты, не предусмотренные программой государственного капитального строительства, следует продавать через аукционы и по коммерческому конкурсу. При этом оценка земли и основных производственных фондов должна строиться по единому методологическому принципу в мировых ценах, с последующим перерасчетом их по курсу национальной валюты.

Участие международных финансовых организаций заключается в подготовке законодательных актов, кредитных фондов, финансовой и организационной помощи в создании рыночных институтов, подготовке специалистов и др.

В процессе апробации этих форм на конкретных объектах можно отработать методы оценки имущества предприятий, механизм продажи акций и привлечения финансовых ресурсов, формы и методы определения льготных акций и др.

Реализация мероприятий первого этапа станет основой для разработки и гласного обсуждения государственной программы приватизации; развития рыночных институтов (на основе отработки взаимоотношений и разграничения прав Госкомимущества по отношению к рыночным институтам), создания правовых норм реформы собственности.

II этап. Главным направлением в этот период должны стать широкомасштабная приватизация и разгосударствление собственности.

Основным принципом проведения приватизации является изменение формы собственности на основе купли-продажи (за исключением некоторых случаев), целью — создание владельца нового типа, способного к ответственным и заинтересованным действиям по росту капитала.

Приватизация осуществляется:

- по инициативе государственных органов;
- по инициативе самих государственных предприятий;
- по требованию потенциальных инвесторов.

Формами приватизации являются:

- открытая конкурсная система (при этом базовая цена предприятия не может быть ниже установленной Госкомимуществом);
- реализация права на участие и увеличение основного капитала;
- реализация через фондовую биржу акций.

Источниками финансирования послужат:

- собственные накопления государственных предприятий и населения;
- создание инвестиционных фондов за счет привлечения иностранных кредитов и др.;
- льготные акции, закупаемые трудящимися предприятий (не менее 50% их цены), в объеме 20% общей суммы; освобождение граждан от уплаты налогов с доходов, используемых на покупку акций, и др.;
- выпуск государственными предприятиями приватизационных облигаций с гарантией перехода через пять лет в имущественное владение;
- широкое привлечение иностранных инвесторов к приватизации предприятий при их 100% участии;
- передача управления имуществом низкорентабельных предприятий на конкурсной основе через рыночные институты.

Создание крупных рыночных институтов и преимущественная передача функций приватизации в эти структуры будут способствовать формированию рынков капитала и его межотраслевому перераспределению в сфере, обеспечивающие максимальную прибыль. Таким образом, в конечном счете, будут заложены основы рыночного механизма структурной перестройки экономики.

СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАЗВИТИЯ

В настоящее время все мы слышим о необходимости привлечения зарубежных производственных инвестиций, их плодотворном влиянии на национальную экономику. И на территории нашей республики уже более пяти лет идет зарождение новой для местного хозяйства формы иностранного капитала — совместных предприятий. По существу совместные предприятия (далее—СП) стали для Узбекистана пока единственным каналом использования прямых иностранных капиталовложений.

Такая ситуация сложилась в силу воздействия ряда причин. Во-первых, в республике образование СП шло по союзному сценарию, в котором другим формам иностранных инвестиций не было места. Во-вторых, современное состояние экономики Узбекистана и неразработанность законодательной базы в области иностранных инвестиций не позволяют пока развивать такие их формы, как концессионные предприятия, зоны свободного предпринимательства, научно-производственные парки и т. п. В-третьих, как показывает мировой опыт, развитие иностранного предпринимательства в молодых национальных государствах происходит большей частью через образование смешанных фирм. Указанные причины, по нашему мнению, накладывают отпечаток на весь процесс развития СП в республике. Поэтому сквозь их призму и следует рассматривать проблемы функционирования и дальнейшего развития совместного предпринимательства в Узбекистане.

На сегодняшний день на территории республики зарегистрировано более 800 СП, причем быстрый их рост наблюдается с 1992 г. Сколько это: много или мало для нашего государства? Вопрос может быть решен не только с точки зрения количественных показателей, но и тенденций политического и экономического развития республики, а также закономерностей развития совместного предпринимательства как формы интернационализации производственных связей.

Закономерно предположить, что значительный рост числа СП в последние два года вызван активизацией политики государства по привлечению иностранного капитала. Здесь главным фактором, на наш взгляд, явилось расширение международных контактов республики как на межгосударственном, так и на межфирменном уровнях. Однако, как видно из табл. 1, с 1990 г. происходит снижение числа действующих СП в общем их количестве. Такая тенденция обусловлена, в первую очередь, сложностями использования в республике иностранных инвестиций. Нестабильная еще экономическая обстановка не позволяет СП вовремя обеспечивать себя необходимыми финансовыми и материальными ресурсами, а отсутствие правовой определенности и постоянства в налоговой политике иногда вообще ставит под вопрос целесообразность функционирования совместных предприятий с точки зрения зарубежных инвесторов. И это происходит на фоне того, что республика крайне нуждается в притоке иностранных производственных капиталов.

Более подробный анализ функционирования СП в республике, закономерностей и проблем их развития может дать, по нашему мнению, рассмотрение их деятельности в 1992 г. Возможность в целом судить о развитии совместного предпринимательства в Узбекистане по одному году в данном случае обусловлена несколькими причинами: 1) пока невелик срок деятельности СП, причем функционирование их в первые годы происходило в рамках бывшего СССР; 2) постоянное развитие экономических преобразований в республике дает возможность наиболее полно отразить их влияние на процессы формирования СП в последнем отчетном году; 3) уже в 1992 г. в деятельности СП наметились

определенные закономерности их развития, позволяющие объективно судить о перспективности функционирования в Узбекистане этой формы иностранного капитала.

Увеличение числа СП в 1992 г. стало отражением проводимых в республике экономических преобразований, направленных на создание более открытого мировым процессам народнохозяйственного комплекса. В том году начали функционировать законодательные акты, регулирующие иностранное предпринимательство в Узбекистане. Республике стали признавать и проявлять к ней интерес международные экономические и финансовые институты. Иными словами, начали создаваться предпосылки широкого вовлечения в национальную экономику зарубежных производственных инвестиций. Вместе с тем практика функционирования СП показывает, что в республике есть еще много недоработок в этой области как на правовом, так и на хозяйственном уровнях.

Таблица 1

Динамика СП Узбекистана (по годам)*

Показатель	На начало года					
	1985	1980	1990	1991	1992	1993
Количество зарегистрированных СП	1	1	12	30	158	422
Число действующих СП	1	1	2	14	51	128
Доля действующих СП в общем их количестве, %	100	50	16	47	32	30

* Эти и последующие расчеты сделаны по материалам Госкомпрогнозстата Республики Узбекистан.

Можно с уверенностью сказать, что совместное предпринимательство как форма интернационализации хозяйственных связей уже играет заметную роль в налаживании международных контактов Узбекистана. В их организации принимают участие партнеры практически из всех регионов мира, в том числе:

Регионы	%
Азия	45
в том числе:	
Афганистан	14
Турция	13
Китай	8
группа НИС (новые индустриальные страны)	3
Западная Европа	19
Восточная Европа (бывшие соц. страны)	17
Северная и Южная Америка	14
Другие	5

Как видим, большинство СП создано с партнерами из стран Азиатского региона. Это вполне понятно, ибо капиталовложения этих стран являются наиболее приемлемыми в условиях Узбекистана как в силу географической близости, так и ввиду одинаковости в уровне поставляемой технологии. Невысокий ее уровень, а также отсутствие стремления к большему контролю над создаваемыми СП становятся благоприятной почвой для эффективного участия предпринимательского капитала стран Азии в экономике нашей республики.

Высокий процент участия партнеров из Америки, главным образом из США, объясняется активностью их капиталов вообще и особенно

на новых рынках. А вот создание СП с партнерами из НИС, по нашему мнению, недостаточно, поскольку инвестиции этих стран, как показывает мировой опыт, предпочтительнее по своему качественному содержанию для периферийных национальных экономик, нежели дорогие высокотехнологические вложения компаний развитых капиталистических стран.

Совсем неудовлетворительно идет создание СП с партнерами из стран бывшего СССР (менее 1%). Между тем в условиях нарушенных хозяйственных связей использование этой формы производственной деятельности поможет решить широкий спектр вопросов как экономического, так и политического сотрудничества Узбекистана.

Инвестиционный климат в республике, активность иностранных предпринимателей в сотрудничестве с узбекскими партнерами иллюстрируются и размерами вкладов в уставной фонд (УФ) СП на 1 января 1993 г.:

Размер УФ, млн. руб.	Число СП, % к итогу
Менее 1	54,0
1—5	26,5
5—10	6,4
Свыше 10	13,1

Как видим, большинство СП имеют достаточно низкий размер уставного фонда. Как правило, это говорит о том, что цели их участников не носят характера крупного производственного инвестиционирования. А в условиях нынешней инфляции таких средств может хватить лишь на обустройство оффисов. Отсутствие крупных капиталовложений производственного характера объясняется тем, что в республике пока нет достаточных основ, благоприятствующих притоку крупных иностранных средств, отсутствует разработанная программа их привлечения по отраслям народного хозяйства.

Таблица 2

Показатель	Всего СП	Объем производства, %	Численность, %
Всего действующих СП в 1992 г.	100,0	100,0	100,0
из них заняты:			
производством промышленной продукции	41,4	90,0	78,1
оказанием услуг	35,2	9,4	18,6
переработкой сельхозпродукции	2,3	0,6	0,8
внешнеторговыми операциями	5,5		1,0
СП, не начавшие производственную деятельность	13,3		1,1
СП, реализующие продукцию на внутреннем рынке	2,3		0,4

На наш взгляд, одновременно со стремлением к использованию значительных зарубежных инвестиций следует создавать также средние и мелкие СП. Их образование будет способствовать решению проблем функционирования эффективной производственной, социальной, информационной инфраструктур, ослабления напряженности с занятостью населения, а также создания необходимой предпринимательской среды для более крупных СП.

Как показывают подсчеты, число действующих СП в общем количестве СП, зарегистрированных на конец 1992 г., составило по Узбекистану чуть более 30%, из них выпуском промышленной продукции занято менее половины. Хотя по объему производства и численности

работающих производственные СП все-таки лидируют, малое их количество не отвечает целям развития совместного предпринимательства на территории нашей республики. Как настораживающий фактор прослеживается в общем объеме СП, занимающихся оказанием услуг (которые сами по себе имеют значительную долю), рост услуг коммерческого характера. Более подробный анализ выявил, что в 1992 г. по сравнению с предыдущим годом коммерческие услуги в сопоставимых ценах возросли в 31 раз, тогда как транспортные — в 13, услуги по ЭВТ — в 4,6, а медицинские — лишь в 2,6 раза. Многие СП вообще перешли на оказание коммерческих услуг, занимаясь торговло-посредническими операциями. Такое положение вполне объяснимо инфляционными процессами в экономике республики, когда вкладывать капиталы в производство становится невыгодным. Следует отметить незначительное участие СП в переработке сельхозпродукции, что в условиях нашей республики просто недопустимо.

Большинство создаваемых СП находятся в Ташкенте либо в крупных промышленных центрах. Их размещение по республике выглядит так:

Всего по республике	100,0
в том числе:	
Ташкент	56,3
Ташкентская область	7,1
Самаркандская область	13,2
Сурхандарьинская область	5,4
Области Ферганской долины	9,5
Другие области	18,5

Такое неравномерное размещение СП объясняется концентрацией важнейших объектов их жизнедеятельности в центральных городах республики. Существенное влияние на территориальное размещение СП оказывает их географическое расположение. Так, на организации СП в Ферганской долине сказываются, на наш взгляд, благоприятные условия этого региона с точки зрения отраслевой направленности, обширности рынка сбыта производимой продукции. Концентрация СП в Сурхандарьинской области вызвана близостью к Афганистану. В дальнейшем географический фактор должен оказать влияние и на создание СП с партнерами из стран ближнего зарубежья.

Необходимой частью объективного анализа деятельности СП, отражающей важнейшую сторону, а иногда и цель их функционирования, является рассмотрение экспортно-импортного потенциала. Если весь товароборот СП Узбекистана в 1992 г. по этим операциям принять за 100%, то на долю импортных поставок приходилось 57,7%. Это говорит о том, что СП на пятом году своей работы еще не стали инструментом наращивания экспортного потенциала республики, что заставляет всерьез задуматься о государственном формировании ориентиров их развития в этой области.

Импорт СП представлен большей частью потребительскими товарами, наблюдается много поставок в счет уставного фонда, не носящих производственного назначения. Экспорт представлен главным образом изделиями переработки сырья, продукцией немногих видов легкой промышленности, удобрениями. Следует отметить, что СП становятся одним из каналов экспорта из Узбекистана определенных видов продукции и сырьевых ресурсов. Так, в республиканских экспортных поставках на долю СП в 1992 г. приходилось 100% одежды и тканей. Явно бросается в глаза и сырьевая направленность экспорта СП, отсутствие в нем сложной продукции, что отражает сохраняющуюся пока общую неэффективность участия республики в межгосударственных поставках и требует в этом плане скорейшей структурной перестройки.

Таким образом, анализ функционирования СП Узбекистана позволяет сделать следующие выводы.

Совместное предпринимательство как новая форма организации производства имеет в республике благоприятные перспективы своего развития. Темпы организации СП, сотрудничество через них со многими странами мира, намерения их участников работать в большинстве отраслей народного хозяйства республики дают тому достаточные основания.

Вместе с тем, несмотря на возможности, открываемые СП как формой интернационализации производства, не во всем оправдали первоначально возложенные на них цели: во-первых, стать поставщиком новейших технологий для широкой организации в республике современного производства для удовлетворения запросов местного рынка; во-вторых, — содействовать росту экспорта республики и скорейшему выпуску импортозамещаемой продукции; в-третьих, — привлечь в республику солидные иностранные инвестиции, главным образом в базовые отрасли.

Решение указанных проблем станет возможным в ходе оздоровления экономики Узбекистана в целом. При этом требуется создание национальной программы привлечения иностранных производственных инвестиций, которая определяла бы отраслевые и территориальные приоритеты их притока; основные направления зарубежных вложений в сочетании с целями собственного инвестирования; формы развития таких средств в зависимости от условий развития той или иной территории, хозяйства, производства. Необходима также дальнейшая доработка законодательной базы в этой сфере. Создание благоприятных условий для адаптивирования в хозяйстве республики капиталов зарубежных предпринимателей в сочетании с эффективным контролем за их деятельностью на местном рынке повысит заинтересованность инвесторов как дальнего, так и ближнего зарубежья в решении задач развития экономики нашей республики, ее сотрудничества с другими странами и более тесной интеграции в мирохозяйственные экономические связи.

К. Х. ИНОЯТОВ

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние годы многие вопросы общественного развития, особенно новейшего времени, составляющие объект исторического познания, находятся в процессе тщательного пересмотра и переоценки. Это связано с целым рядом причин, прежде всего объективного характера. Так называемая перестройка, начатая в середине 80-х годов как «революция сверху», высветила целый комплекс общественных противоречий и углубила или, вернее сказать, усугубила общий кризис общественно-государственной системы, именовавшейся социализмом. Итогом «революционной перестройки» стала нарастающая депрессия в экономической сфере, вызвавшая резкое обострение всей социально-политической ситуации и распад Союза ССР как государственного образования.

Возникновение независимых государств поставило народы бывшего Союза перед сложным комплексом проблем, требующих коренных преобразований не только в экономике и социальной сфере, но и решительного неконъюнктурного обращения к прошлому, переоценке исторических реалий и ценностей.

Обретение независимости для Узбекистана — это кардинальное решение большого круга сложнейших вопросов общественной жизни. Здесь и задачи сбалансированности экономического развития отдельных областей и народнохозяйственного комплекса республики в целом, и социальной ориентации экономики, и возвращения к национальным истокам культурного и нравственного потенциала узбекского народа, и многое другое. Все это, в свою очередь, настоятельно требует скрупулезного аналитического подхода к историческому прошлому, позволяющего определить наиболее верные ориентиры на будущее.

К этому следует добавить, что советская историография Узбекистана, равно как и всего бывшего Союза, в предшествующие десятилетия была вынуждена довольно легко обращаться с фактологическим материалом, интерпретируя его в соответствии с «вечно живым и всепобеждающим марксистско-ленинским учением» и навязываемыми сверху тенденциозными идеологическими построениями. Историческая мысль, ограниченная конъюнктурными рамками, трансформировала многие исторические события и роль персонажей, незаслуженно выпячивая или принижая отдельные из них. Историческая литература «грешна» перед обществом за порочную практику пропусков и умолчаний, «беспощадных разоблачений инсинуаций» зарубежной («буржуазной») историографии.

В определенной мере все это касается и наиболее обстоятельных и эрудированных публикаций историков, неизбежно отдававших дань условиям своего времени, «политике партии и правительства», направленной на тотализацию и идеологизацию исторической науки. Отсюда и необходимость пересмотра наследия прошлых лет.

Конечно, процесс переделывания уже созданного всегда сложен. И, казалось бы, не легче ли разрушить старое, построив на его основе новое, соответствующее реальной действительности? А если ответить на поставленный вопрос, что же легче и правильнее, то возникает новый вопрос: «Каковы же пути будущего развития научной исторической мысли?» Надо сказать, что вопрос этот требует больших и, быть может, продолжительных раздумий, философских и методологических обобщений, дискуссий. Главное в том, что наблюдаемая ныне постепенно нарастающая тенденция превращения политизированной историографии «послеоктябрьского» времени в строго научную историографию происходит на основе ее внутренних, собственных резервов. В последнее время наблюдается заметный рост интереса ученых к проблемам истории и не только в их первичной тематической постановке, но и в плане пересмотра, переоценки, «переделывания» ранее уже созданного. Все это, несомненно, положительный факт. Однако по-прежнему открытым остается вопрос о путях реорганизации исторической науки, ее будущем. И потому столь актуальна сегодня задача пересмотра стержневых основ развития историографии.

Как справедливо заметил А. И. Зевелев, «проблемы исторической науки, анализируемые историографией, нельзя ныне верно изучить без серьезного методологического анализа... К тому же постижение истории человеческого общества происходит сейчас с привлечением математических и других естественно-научных методов и приемов. Таким образом, усложнение теоретического строя исторической науки, появление новых методов исследования исторического процесса свидетельствует о том, что предыдущий уровень его анализа уже мало эффективен и требует дальнейшего развития»¹.

Однако не только совершенствование «технологии» научного творчества и расширение историографической проблематики требуются сегодня. На повестку дня ныне выдвигаются и задачи углубления отраслевой структуры исторической мысли, ее теоретической интеграции с такими научными дисциплинами как науковедение, информатика, прогнозика, критернология, социальная психология. И потом нельзя не согласиться с рядом ученых, справедливо полагающих, что предмет историографии в мировоззренческом, философском аспекте много сложнее предмета, изучаемого исторической наукой². От историографа требуется и широкая эрудиция в вопросах истории философии и философии истории, психологии и т. д.

Но если относительно задач историографии как специальной отрасли исторического знания все ясно, то что можно сказать насчет ее результативности: так ли безупречна ее критико-прогностическая «деятельность», накопившая довольно солидный массив историографической информации?

Если исходить из того, что объектом «новой» историографической работы является и будет являться фактологическая литература, занятая пересмотром исторических сюжетов, то прерогативой какой научной дисциплины станет анализ собственно историографической работы? Эта задача, кстати, связана не только с переоценочной работой, осуществляемой историками и историографами сегодня, но и с тем, что

¹ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 3—4.

² См.: Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12; Зевелев А. И. Указ. соч. С. 3—4, 6, 11—12; Кузачков В. К. К обоснованию историографии истории науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 17; Могиляницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 4—5; Прошштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1985. С. 3—4; Сахаров А. М. О курсе русской историографии В. И. Астахова // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1960. № 3. С. 187; и др.

в предшествующие годы создано большое количество историографических трудов, требующих как своего аналитического обобщения, так и критического пересмотра. Отсюда вытекает необходимость изучения процесса развития самой историографии, суммирования историографических знаний. Другими словами, речь идет об «историографии историографии» — научной дисциплине, способной дать оценку историографической работе с целью познания тенденций и закономерностей развития исторической мысли на том или ином ее этапе.

Необходимость и научная обоснованность такой постановки вопроса, по нашему мнению, объясняется следующими обстоятельствами.

Первое. Необходимость и важность для исторической науки историографической работы не требует доказательств. Предмет, задачи и сущностное содержание историографии в среде научно-исторического сообщества являются давно и прочно установившимся организационно-научным фактом и в этой связи историография рассматривается не только как специальная научная дисциплина, но и как ветвь общественной мысли. Это положение историографии в системной классификации общественно-гуманитарных наук обуславливает ее социальное назначение — генерировать общественную мысль, определяя в хронологическом контексте ее поступательное развитие. Анализ идей, концепций и взглядов, прослеживание их зарождения и развития в системе социокультурных ценностей позволяют историографии устанавливать тенденции и выделять закономерности общественно-исторического развития, преломляя их сквозь призму развития самой общественной мысли. Такая универсальность историографии обеспечивает особый ее статус, когда эта научная дисциплина стоит как бы над другими дисциплинами исторического и в целом обществоведческого цикла. Конечно, это «возвышение» весьма условно, ибо историография является составной и органической частью исторической науки, занятой в области ее самопознания.

Однако нельзя забывать и еще об одной немаловажной функции историографии — установлении историографических закономерностей, принципов критико-аналитической деятельности, содержания прогностической работы, методов научного исследования. Так или иначе все это определяет динамику саморазвития историографии и является одной из ее функциональных «обязанностей».

Второе. В условиях, когда так называемая марксистско-ленинская философия, каноны «научного коммунизма» перестали быть для исторической науки методологическим стержнем, перед историографией возникла теоретическая дилемма: что избрать в качестве теоретико-методологического фундамента, по каким методологическим принципам осуществлять критико-аналитическую и прогностическую работу? Это нацеливает на поиск новых философских и методологических основ историографической деятельности. В этом смысле «историография историографии» выступает не только как дисциплинарная часть историографии, но и как ее методологическое решение, ибо ориентирует историографию на самопознание.

Обращение историографии на самое себя предполагает прежде всего тщательное и всестороннее изучение всего предшествующего опыта историографической работы. Это, в свою очередь, определяет ее параметры, когда историческая наука, в частности историография, рассматривается не только как система знаний, но прежде всего как часть общего процесса развития и функционирования общества. В этой связи научно-историческое сознание является составной частью сознания общественного.

Заметим, что по поводу сугубо внутренней и едва ли не самой важной для научно-исторического сообщества проблемы — проблемы самопознания, саморефлексии — мы до сих пор не всегда всерьез и глу-

боку задумываемся. Между тем в последние годы произошел существенный скачок исторического самосознания общества, в значительной степени опередившего возможности современного состояния общественных наук, в том числе исторической науки.

Это дает возможность яснее представить проблему дополнения понятия «история» в его традиционном смысле. Речь идет о необходимости расширения этого понятия до формулы: «история — история истории», требующей, в свою очередь, и углубления понятия «историография историографии». Последняя надо надеяться, поможет историкам и историографам четче осознать свое место в совершаемых в сфере исторических знаний преобразованиях и оценить результаты своих исследований как результаты прежде всего общественно полезные.

Говоря о предмете и задачах «историографии историографии», важно уяснить ее сущностную конструкцию. Содержание предмета этой внутриисториографической дисциплины видится в аспекте изучения таких параметров историографического творчества, как организация историографического труда, накопление массивов историографической информации, коммуникативности и динамики критико-аналитической и прогностической работы и т. п. Следовательно, это не только обобщение и суммарная оценка трудов по истории исторической науки — выявление тенденций накопления знаний о динамике, системе организации и функционирования научно-исторической системы. Это еще и исследование процесса наращивания историографических знаний по конкретным областям исторической мысли: экономических, социальных, культурных и иных аспектов общественного развития. Наконец, «историография историографии» в широком смысле должна занять свое место и в сфере осмысления процесса накопления знаний о развитии гуманитарных наук: философии, политической экономии, государствоведения, языкознания и литературоведения, искусствознания и других, а также тех отраслей, которые обращены в область самопознания науки — науковедения, информатики и т. д.

Выше уже говорилось о профессиональном «самосознании» научно-исторического сообщества. В выработке его большую роль должна сыграть и «историография историографии», которая смогла бы позволить историкам, в том числе историографам, определить необходимые критерии для самооценки, критического анализа собственной деятельности. При этом основополагающим фактором станет историографический анализ развития собственно историографии, а не историко-фактологической мысли, как то было принято ранее. Этот анализ будет взыскательным, ибо он ведётся по довольно сложной программной формуле исследования: «фактология (объект) — историография (субъект) — историография (объект) — историография историографии (субъект)».

Нельзя не признать и того факта, что предмет и задачи «историографии историографии», идея самооценки, положенная в их основу, много сложнее предмета традиционной историографии, ибо предмет «историографии историографии» совершенно по-иному «обращается» к системе «технологии» научно-исследовательской работы не только историографического, но и фактологического направления.

Методика историографического труда такова, что исследователь опирается на архивно-документальный материал, как правило, тогда, когда уже изучен необходимый массив историографической информации, когда обозначились контуры научной концепции и требуется лишь проверка исторических фактов, «удостоверенность» в «правильности» их интерпретации. При этом работа с исторической литературой выступает здесь на первый план. Это, правда, имеет отношение к той части историографической работы, которая ставит своей целью проанализировать развитие научно-исторической мысли. Если же говорить о работах, освещающих историю научно-исторических центров, учреждений, обществ,

систему подготовки исторических кадров и другие вопросы организации науки, то историограф в данном случае выполняет функции исследователя-фактолога, использующего в своей работе архивно-документальные источники.

Но если относительно историографической работы, ее методики, казалось бы, все ясно, то каковы же тогда методические основы историографо-историографических исследований? Можно предположить, что, помимо уже апробированных приемов исследовательской работы историографа и историка, в данном случае ученый будет иметь дело исключительно с историографической литературой, обращаясь к документальным данным лишь тогда, когда требуется проверить историографо-фактологические работы (например, данные о развитии научных центров и учреждений и о других организационных вопросах) или перепроверить суммарную оценку и выводы историографических трудов (когда речь идет об отрасли научно-исторической мысли или конкретной проблемно-тематической направленности).

Сказанное выше, конечно, не дает оснований для того, чтобы историографо-историографическая работа представлялась исследователям лишь как анализ историографии. Динамика историографической мысли должна изучаться с учетом особенностей и тенденций развития отраслей научно-исторической мысли, истории научных учреждений, организации науки в целом. Важно видеть при этом корреляционную зависимость фактологических и историографических работ, динамику историографии сквозь призму динамики исторической науки, и наоборот.

Думается, что в целом именно такой подход к историографической работе позволит решать две важные научно-исследовательские задачи: во-первых, обобщить и дать оценку всему развитию историографической мысли в предшествующие годы и, во-вторых, четче скоординировать усилия ученых-историков на переосмыслении целого ряда страниц истории. В конечном счете, сущностное содержание «историографии историографии», реализация ее задач позволят исторической науке выявить еще неиспользованные потенциалы, которые обеспечат ее качественное обновление и прогрессивное развитие в перспективе.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛИВИЯ ЖАМОҲИРИЯСИ ХАЛҚАРО МУНОСАБАТЛАРДА (1980—1993 йиллар)

Яқин Шарқ ва Африка қитъасида мустақиллик, ижтимоий адолат ва тең ҳуқуқлилик сиёсатини дадил олиб бораётган Ливия Араб Социалистик Халқ Жамоҳириясининг жаҳон миқёсидаги нуфузи анча юқори. Мамлакат ўзининг мустақил иқтисодиёти, жумладан миллий инфраструктурасини яратиш йўлида ўнлаб давлатлар билан яқиндан ҳамкорликда бўлди. Ўзаро ҳурмат ва тең ҳуқуқлиликка асосланган дўстлик алоқалари ёш араб давлатини мустақил давлатлар ҳамдўстлиги, Югославия, Болгария, Польша, Олмония, Франция, Покистон, Хитой, Эрон, Туркия, Сурия, Италия, Япония, Гонконг, Жанубий Курия, Ямаи, Ҳиндистон ва Куба билан боғлади. Ливия мана 20 йилдан ошибдики Араб мамлакатлари лигаси, Араб Мағриб Иттифоқи, Африка Бирдамлик Ташкилоти ҳамда Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг фаол иштирокчиси сифатида алоҳида ўрни тутди. Мамлакат Африка қитъасидаги мавжуд давлатлар қай йўналишда ривожланаётган бўлмасин дўстона кўшничлик алоқаларини ривожлантириш ва мустақкамлаб боришга имкониятини ямади. Ливия қитъадаги уруш ўноқлари ва мунозарали масалалар бўлиши Ғарбий Сахрон Кабир масаласи, Чад муаммоси, Марказий Африкадаги мустақил давлатларга хуруж қилиб туришни «Унига» экстремистик гуруҳига муносабат, «Мозамбик қаршилик ҳаракати» фаолиятига фикр билдириш, Жанубий Африка Республикасидаги эркин айирмачиликни қоралаш, қолгиларга Урта денгизда оқошталлик ўрнатилиши каби масалаларга доимо хайрихоҳ бўлгани ҳолда оқилона ва одилона сиёсат олиб бормоқда. Ливия айниқса Кэмп-Дэвид айирмачи шартномасини кескин қоралади. Бу шартнома араб халқи манфаатига анд эканлигини очик кўтариб чиқди.

70-йилларда Ливия Жамоҳирияси халқ хўжалигини ривожлантиришнинг беш йиллик режаларига асосланган бўлса, 1980-йиллар бошига келиб иқтисодий режа исфидан тушадиган миллий даромадга қараб бир йиллик, ярим йиллик ва чорак йилликда ўзгара бошлади. Ливия инқилоби Қўмондонлиги Кенгаши 80-йиллар иккинчи ярмидан бошлаб бозор иқтисодиётининг айрим услубларини амалда қўллашга ўта бошлади. Талаб ва тақдир ўрганилмоқда, мамлакат иқтисодий қудратини мустақкамлаётган фирма ва бирлашмаларга имкониятлар яратилмоқда ва хусусий секторга йўл очилмоқда. «Истеъмол қилувчи мамлакатдан ишлаб чиқарувчи» шонир кенг тарғиб қилинаётган.

1980 йили Ливия нефть экспортдан 22,6 млрд доллар даромад олган бўлса, 1981 йил бу кўрсаткич 15,7 млрд долларга пасайди, 1982 йилда эса янада камроқ даромад олинди¹. Кейинчалик ҳам халқнинг турмуш даражаси аста-секин пасая бошлади. Бунинг асосий сабаблари — АҚШ собиқ президенти Р. Рейганинг Ливияга эълон қилган бойкоти, Ливиядаги Америка нефть фирма, компаниялари фаолиятига чек қўйиши, Саудия Арабистони томонидан (АҚШ маъмурияти таъсири остида — Б. Гийсов) жаҳон бозорига кўнлаб миқдорда нефть олиб чиқилиши, пировардида эса тақлифинг талаб даражасидан ўзиб кетишига олиб келди. Шу тариқа Ливиянинг ички ва ташқи иқтисодий стратегияси кўзда тутилмаган ҳолатларга дуч келди.

Ливия ташқи сиёсатининг марказий йўналишларидан бири Исроил сиёизмига қарши курашидир. Ливия Барқарорлик ва қаршилик ҳаракати миллий фронтининг фаол иштирокчиси, сиёизмга қарши сиёсатни юритаётган Муаммар Қадофи барча араб мамлакатларини бу курашда бирга бўлишликка чақирмоқда. Ушбу масалада Ливияга кўпроқ хайрихоҳ бўлаётган мамлакатлар — Сурия, Жазоир, Марокаш, Тунис, Эрон, Покистон, Гана, Танзания, Мозамбик, Ангола, Бенин ва яна ўнлаб Осиё ва Африка мамлакатларидир. Хитой бўлса сиёизмга қарши курашда Ливияни қўллаб-қувватлашдан йироқ. Сабаб ҳозиргача Қадофи Хитойдаги «маданий инқилобни» қоралашда давом этаётган. Ҳатто Тайвань билан ўрнатилган ибратли иқтисодий ҳамкорлик ҳам ливия-хитой сиёсий муносабатларини рисоладагидек олиб боришга сезиларли таъсир этаётгани йўқ.

¹ Судьбы социалистической ориентации в арабском мире. М., 1983. С. 310.

Ливия Япония муносабатлари ўзига хослиги билан ажралиб туради. Ливия доимо Япония билан ҳар томонлама алоқаларни ривожлантира бораётганлиги амалий ишда кўзга ташланадир. Айни вақтда Япония ҳам сиёсий масалаларда Ливия билан ҳамфир. Мазлумки охириги ўн йил мобайнида Ливияга бир неча бор иқтисодий қамал, санкция ва эмбарго эълон қилинди. Бу ҳолатларда Япония кўпинча бетарафликни маъжуб кўрипти, иқтисодий ҳамкорликда экспорт-импорт кўрсаткичларини бир фойзага ҳам камайтираётгани йўқ. Агар ҳисоб-китоб қилингудек бўлса Ливиядаги пасажиёр ва юк ташини денгиз кемаларининг 60 фоизидан кўпроги Япониядан сотиб олинаётганлиги янаюқ ҳосил қилиши мумкин. Триполига келтирилаётган электроника ва саноат маҳсулотлари ҳақида гапирмаса ҳам бўлади. Токио раҳбарияти Ливия адресига ёғилаетган тўхматларга таъқидий кўз билан қарамоқда.

1980 йиллар ўрталарида жаҳон узра кезган қайта куриш шайолий янгица сиёсий тафаккур омил, умуминсоний қадриятлар аҳамиятини ошира борди. Давр тақозоси билан эндиликда жаҳон бозоридан янги савдо шерикларни топиш, улар билан жонли алоқа ўрнатиш масаласи Ливия раҳбарияти учун ўта муҳим муаммолардан бирига айланди. Оврупо-Осиё мамлакатлари ҳамда Шарқий Оврупода бошланган индустриал Ливия Жамоҳирияси ташқи сиёсатини қайтадан кўриб чиқишни тақозо этди. Ливия кўп қиррали муносабатларни яхшилаш мақсадида Жанубий Курия, Хитой, Туркия, Эрон, Малайзия, Тайвань, Япония, Гонконг, Ҳиндистон, Греция, Италия, Швецция ва бошқа мамлакатларга жиддийроқ эътиборни қаратишга мажбур бўлди. Чунки мамлакатда сиёсий мустақиллик тантанаси қилгани билан иқтисодий жиҳатдан тайёр маҳсулотларга эҳтиёж катта. Машинасозлик буюмлари, саноат маҳсулотлари, қурилиш материаллари, тайёрлар, озиқ-овқат, малякали мутахассислар тайёрлаш шулар жумласидандир.

Тан оламбў керак, Ливия иқтисодиёт инфраструктурасини яратинида ривожланган турли мамлакатларнинг ҳам улуши бор. Капиталистик мамлакатлар ўнлаб тўқима матолар фабрикалари, нефтни қайта ишлаш заводлари, ион заводлари, турар-жой иншоотлари, портлар, ҳордиқ чиқарувчи ва маданий-маиший комплекслар, меҳмонхоналар, тайёраҳоқлар, сугорини иншоотлари, қандолат фабрикалари, институт биологлар, мактаблар қураллар, қолаверса минглаб ноёб иқтисодликлар бунйча мутахассислар тайёрлаб бердилар.

Триполи яқинидаги савобатли тайёраҳоқ Ҳиндистон томонидан бунёд этилган бўлиб, бир кеча-кундузда 10 минг кишига хизмат кўрета олади. У Африкадаги энг катта халқаро тайёраҳоқлардан биридир. Еки яна бошқа дони Испания Триполи шаҳри марказида барча қулайликларга эга бўлган «Қортоба» меҳмонхонасини қуриб берди.

Ливия — АҚШ сиёсий муносабатлари кескин бўлса-да, улар ўртасидаги савдо алоқалари муайян мазмунни ифода этади. 1984 йили АҚШ Ливияга 220 млн доллар миқдорда қурилиш материаллари ва нефть саноатида алоқадор а.б.б.о.у.с.у.н.лар экспорт қилди. Шунингдек, 1984 йилда Италиянинг Ливияга экспорти 1,8 млрд доллар, ГФР экспорти 885 млн долларни ташкил этди. Халқаро Балота Фондининг маълумотларига кўра Италия ва Ғарбий Германиядан сўнг Ливиянинг энг катта савдо шериклари — Испания, Франция, Туркия, Югославия ва Швецция бўлган. Уша вақтда Ливиянинг экспорт маҳсулоти хом ва қайта ишланган нефть эди. Ливияда 80-йилларда ривожланган ва ривожланаётган мамлакатларнинг мутахассислари ва ишчилари бунёдкорлик иши билан машғул бўлган ва улар кўп минг кишилик армияни ташкил этган. 1985 йили Ливияда 3 минг жанубий куриялик фуқаро капитал қурилишида машғул бўлди.

Шу билан бирга Ливия Жамоҳирияси Африкада бир неча қўшма давлат саноат компаниялари ва молия ташкилотлари тузди: Тогода нефтни қайта ишлаш заводи ва тараққиёт банки, Либерияда саноат, қишлоқ хўжалиги ва савдо молия капитал қурилиши холдинг компанияси, Сомали ва Малида тараққиёт банки, 2,5 млрд доллар капитал маблағ билан Гвинея бокентларини ишлаб чиқарувчи Миср, Қувайт ва Саудия Арабистонини қўшма корхонаси ва ҳоказолар².

1980 йиллар бошидан бошлаб Ливия-Россия сиёсий, техникавий- иқтисодий, савдо, илмий-маданий алоқалари ҳар қачонгидан инсбатан суст ривожланмоқда. Мабтубот маълумотларига кўра 1982 йил бошида Ливияда тахминан 3 минг рус ҳарбий ва ҳарбий техника мутахассиси ишлади³.

Айни вақтда шуни ҳам айтиб ўтиш лозимки, Ливиянинг қатор ҳойрақий мамлакатлардан ташқи қаран мавжуд. 1983 йил июнь ойида Ливиянинг пойтахти Триполида Ташкент жамоатчилигининг делегацияси меҳмон бўлди. Ташриф мобайнида Триполи ва Ташкент жамоатчилигининг келгусидаги ҳамкорлиги ҳақида битим имзоланди. Биродарланган икки шаҳар ўртасидаги расмий ҳужжат илмий-маданий алоқаларини янада самарали ривожлантиришда муҳим роль ўйнайди. Умуман охириги ўн йил мобайнида Эвросиёстоннинг «Ялла», «Баҳор», «Шодлик» ва «Наво» дастгалари, ўнлаб хушнӯз санъаткорлар, кўплаб диний арбоблар делегациялари, енгил атлетикачилар Ливияда меҳмон бўлиб қайтидилар. Бунга жавобан ливиялик кино-санъаткорлар Ташкентда ўқувчи бўлган Осиё, Африка ва Латин Америкаси мамлакатлари кинофестивалларида ўз фильмлари билан иштирок этмоқдалар, диний ар-

² ИКН. 1990. 13 янв.

³ Илмий. 1992. 6 апр.

бошлар делегациялари ташриф буюрмоқдалар. Ливия раҳбариятининг ташаббуси билан 1989 йил ноябрь ойида Тошкентда Ливия консулини таънавлиқ соғди. Ливия томонида қўйилган бу пойқадам ёш араб давлатининг Ўзбекистон билан ҳар томонлама алоқаларини ривожлантиришда жиддий истаги борлигини аниқлатади. Сибей майдонда Социалистик Халқ Ливия Араб Жамҳуриясини Ўзбекистонини мустақил давлатлар сифатида биринчилар қатори таъ олди⁴.

Тўғри бугунги кунда Ўзбекистон — Ливия муносабатларига янгича назар билан қараб бу икки давлат ўртасидан дўстлик кўпригини мустақкам қилиб яратини ниҳоятда аҳамиятлидир. Дўстлик ринишалари қай тарзда қарор топини айниқса Ўзбекистон дипломатияси ва унинг ташаббусига боғлиқдир. Ўзбекистон мустақил давлат бўлиб чиққайдан сўнг унга кўп мамлакатлар сингари Ливиянинг ҳам қизиқишини катта. Яқин келажакда ҳар икки пойтахт Тошкент ва Триполида элчихоналар очилса, босқичма-босқич диний, илмий-техникавий, маданий, савдо-иқтисодий ҳамкорлик ривожлантириб борилса вақти келиб сибей муносабатлар ҳам жаҳон жамоатчилиги олдига ибратли тус олган бўлаур эди. Бу албатта реал вазифа, шу билан бирга масаланинг нозик қирраларигана эътибор берини талаб этилади. Илгарилари Ливия сингари мусулмон давлатлари биз тарафларга илмий мутахассислар тайёрлаш учун талабаларини ниҳоятда ош юборар эди. Сабаб коммунистик марқура таъсирдан узоқроқ бўлиш эди. Эндилликда оша бундан хавфсизрашга ҳожат қолмади. Агар ливияликлар Ўзбекистон олий ўқув юрларига чорвачилик, савзавотчилик ва мелиорачилик, туприқшунуслук, тиббиёт, ки.б, геология, журналистика каби соҳаларга бўйича таълим оқсалар ўз дилларига ҳам назарий, ҳам амалий жиҳатдан етук мутахассислар бўлиб қайтишлари мумкин. Республикамизда савдо-сотик масаласида ҳам ливияликларни қизиқтирувачи ашёлар бадастир.

Эндилликда мустақил Ўзбекистон хоржий давлатлар билан тўғридан-тўғри муносабатларга пойдевор кураётган бир вақтда Араб Шарқига ҳам чин дўстона муносабатда бўлмоқда. Ўзбекистон дипломатиясида тарихий воқсалар юз берастир. Хусусан, Ўзбекистон президенти И. А. Каримов Саудия Арабистонини, бироз кейинроқ Миер Араб Жумҳурияига расмий ташриф буюрди. Бу борлада ўзаро манфаатли шартномалар имзоламоқда. Маариди келиб Ливия Жамҳуриясини ва Ўзбекистон Республикасини ўртасида ҳам қудратли дўстлик кўприги қад кўтаради.

Б. Т. Гибсов

⁴ Халқ сўзи. 1992. 29 февр.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БРАТСТВА ИАСАВИЙА

Историей братства Иасауви́я, играющего столь важную роль в истории культуры центральноазиатского региона, практически не занималось ни советское, ни западное востоковедение. Единственным ученым, который пытался серьезно исследовать данную проблематику, был проф. М. Ф. Кёпрюлю (1890—1968). Он выделял в творчестве Ахмада Иасауви (ум. в 562/1166—67 г.) два элемента — идейное содержание и поэтическую форму¹. Исследуя истоки идейного содержания учения Иасауви, М. Ф. Кёпрюлю, к сожалению, следует традиционной версии об обучении Ахмада Иасауви у Пусуфа ал-Хамадани (ум. в 1140 г.)². Подобная установка приводит к декларативным сравнениям отдельных положений в Иасауви́ском и нахшбандийском учениях, а также к бесплодному поиску корней обоих братств в учении Ходжагонийа. Эта трактовка, исходившая из нахшбандийских кругов и отвечающая их интересам, до сих пор коучет из одного труда в другой и вводит в заблуждение многих исследователей³.

Новые источники, недавно обнаруженные в городах и селениях Южного Казахстана — на родине Ахмада Иасауви, содержат сведения, совершенно расходящиеся с нахшбандийскими. Один из них — «Иасаб-нама» Сафи ад-дина Урунг Куйлаки (XIII в.)⁴ бытует в списках XIX — начала XX в. в огромном количестве в семьях местных хождей как их документированное родословие. «Иасаб-нама» содержит ряд принципиально важных моментов, все еще остающихся вне внимания исламоведов. Прежде всего следует назвать термин «суфра». Это слово пишется не 12-й буквой (син) арабского алфавита, а 14-й (сад), что дает значение «быть желтым», «желтизна». В «Иасаб-нама» оно встречается в форме «суфрадарлик», «суфра тутмак» и означает: «руководство», «руководить учениками». Согласно «Иасаб-нама», «суфрадарам» («содержателям суфры») были далекий предок и отец Ахмада — Исхак Баб и Ибрахим шайх⁵. Сам же Ахмад прибыл в Паси с единственной целью — «со-

¹ Köprülü M. F. Ahmed İsevi//İslâm ansiklopedisi. I Cilt. İstanbul, 1941. S. 214.

² Köprülü M. F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. Ankara, 1984. S. 64—72.

³ Şuşud H. Z. İslâm tasavufunda Hâcegân hanedanı. İstanbul, 1992.

⁴ Это сочинение издано А. К. Муминовым и З. З. Жаңдарбековым: Сафи ад-дин Урунг Куйлак и Иасаб-нама. Туркестан, 1992.

⁵ Иасаб-нама. С. 28, 31.

держат суфру» («суфра тутмак»)⁶. Получается, что эта почетная обязанность была родовой наследственной привилегией семейства Пасави.

В приведенном в «Насаб-нама» родословии Ахмада Пасави особо выделяется фигура его предка — Исхака: он переехал из арабских стран в Туркестан, первым «содержал суфру» и, наконец, к его имени прилагается титул «Баб» («врата»). Годом переезда Исхака Баба в Туркестан в «Насаб-нама» назван 150/767—68 г.⁷

Любопытный факт приводится в «ал-Фихристе» Ибн ан-Надима (X в.): вскоре после убийства Абу Муслима (755 г.) в Мавераннахре восстал его сторонник Исхак ат-Турк. «Турком» его прозвали за то, что он некогда ездил в страну тюрков посылком от Абу Муслима⁸. Известно, что Аббасиды (749—1258) и Абу Муслим, ведший от их имени пропаганду в Хорасане, свое дело связывали с делом крайних шиитов — кайсанитов. Они говорили, что имамаг через Али, Мухаммад ибн ал-Ханафию (ум. в 700 г.) и Абу Хашима (ум. в 716 г.) переходит к ним. Доказательством этого служила передача Аббасидам «желтого свитка» («сахиб сафра»)⁹. После вероломного убийства Абу Муслима его сторонники не стали признавать имамата Аббасидов. Разные группы кайсанитов провозглашали имамом Мухаммада ибн ал-Ханафию или Абу Муслима и ждали возвращения имама, а предводителей восставших объявляли посредниками, «вратами» (баб) между имамом и общиной. Баб владел «желтым свитком». Сторонники Абу Муслима в Мавераннахре были известны под именем мубаййидитов («одетые в белое»). Существование мубаййидитов в этом регионе вплоть до XII в. подтверждается данными многих источников¹⁰.

Итак, приведенные выше факты позволяют идентифицировать Исхака Баба с Исхаком ат-Турком. Границы региона, где проходило движение под руководством Исхака ат-Турка, на основе данных «Насаб-нама», можно обозначить Восточной Ферганой, Восточным Туркестаном, Семиречьем, Таразом, Исфиджабом и Шашем¹¹.

После решающих военных побед Аббасидов над мубаййидитами в период после 780 г. борьба с полем битв переносится в область догматики¹². У мубаййидитов, как и у всех шиитов, главным было учение о непогрешимом имаме. Для них настаиванием в мире божественной мудрости (хикма илахийа, по-тюркски — хикмат) был непогрешимый имам¹³. В отличие от других шиитов кайсаниты верили в возвращение имама Мухаммада ибн ал-Ханафии или его потомков. В его отсутствие духовным главой общины становился баб. В дальнейшем кайсанитская доктрина в этом регионе претерпела существенные изменения под влиянием различных местных синкретических учений. По сообщением «Насаб-нама», Исхак Баб обратил в ислам мусов (дуалистов-маишес, зороастрийцев, буддистов) и тарса (христиан-несторпн)¹⁴.

Одно из доминирующих мест в воззрениях кайсанитов-мубаййидитов занимало учение о познании имама. Кто умер, не познав своего имама, тот умер неверующим. Мубаййидиты этого региона (условно — Туркестана) противопоставили свой рационализм традиционализму ученых-суниитов Мавераннахра, находившегося под контролем Аббасидов. Со временем в регионе получает широкое распространение мубаййидитская концепция «знания, приносящего счастье». Творчество мыслителей XI в. Пусуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари и Ахмада Йугнаки свидетельствует о том, что эта концепция занимала важное место в духовной жизни данного региона.

Экспансия Саманидов (819—999) — сперва вассалов, затем союзников Аббасидов — и завоевание ими Шаша, Исфиджаба, Фараба и Тараза поставили мубаййидитов в трудное положение. Острейшая идеологическая борьба с «улама» — традиционалистами стимулировала появление двух тенденций.

Первая — усиленная разработка основных положений учения мубаййидитов. Потребности «науки символично-аллегорического толкования Корана» («илм та'вилат ал-Кур'ан) — основы рационалистического объяснения их учения — вызвали расцвет арабских филологических дисциплин¹⁵. Абу Наср ал-Фараби (ум. в 950 г.) нашел выход из кризисной ситуации, создав новое стройное учение. В нем он изложил

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Насаб-нама. Рукопись А. Абсетова (г. Туркестан), л. 11.

⁸ Ибн ан-Надима. Ал-Фихрист. Каир, 1959. С. 497.

⁹ История халифов анонимного автора XI в.: Факсимиле рукописи/Предисловие и краткое изложение Н. А. Грязневича. М., 1957. Л. 246 а—б. Прозоров С. М. Из истории религиозно-политической идеологии в раннем халифате//История, культура, язык народов Востока. М., 1970. С. 78.

¹⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Бартольд В. В. Соч. Т. 1. М., 1953. С. 255—258.

¹¹ Насаб-нама. С. 25—26.

¹² Белецкий А. М., Бентович Н. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 322.

¹³ Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе/Пер. с англ. под ред. и предисл. О. Ф. Акимущина. М., 1959. С. 114.

¹⁴ Насаб-нама. С. 27.

¹⁵ Халидов А. Б. Словари Исхака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1987. Ч. IV. М., 1987. С. 6.

рационалистические пути постижения «божественной мудрости» (джума илазия). За это ал-Фараби в среде мубаййдитов получал почетное звание «Второй учителя» (после «Первого учителя», т. е. имама).

Вторая тенденция — распространение среди мубаййдитов учений еркт, оппозитионных Аббасидам и Саманидам. Прежде всего это — усение исма'илитов, большие известия из востоке мусульманского мира под именем карматов. Мубаййдиты и исма'илиты происходили из родственных кругов — «крайних» шиитов (гулат). Из вичеюею миссии, одна из групп исма'илитов — фатимиды вышли из египта, выступавшей за имамат потомков Фатимы — дочери Абу Мусалима¹⁶. О сотрудничестве этих двух сил писал Абу Райхан Беруни (ум. в 1048 г.) в «Ахбар ал-мубаййида ва-акаримата»¹⁷. Вероятно, к этой эпохе относится и рождение легенды о переезде Исхака Баба со своими родственниками Абд ар-Рахимом Бабом (Аулия Ата) и Абд ал-Джалилом Бабом (Хорасан Ата) из исма'илитских центров в Сирии и Пемесе в Туркестан с целью распространения ислама¹⁸. Эта легенда сильно иллиминирует исма'илитские мотивы о появлении махди в Мекке и его движение в Куфу с целью установления справедливого правления.

В связи с превращением Мавераннахра в оплот суннитов-ханафитов, среди мубаййдитов в X в. получает распространение усение шафи'итов — соперников ханафитов. Ал-Мукаддаси (X в.) в числе регионов, подвергнутых шафи'итскому влиянию, называет Шаш, Ирак, Сигвик, Тараз¹⁹. «Насаб-нама» называет основателя шафи'итской школы в Шаше Абу Бакра ал-Каффала аш-Шашли (ум. в 976 г.) близким сподвижником Исхака Баба²⁰. Известно, что в Мавераннахре шафи'иты ассоциировались с суфиями. О популярности в этом регионе имен суфия-кармата ал-Хусейна ибн Мансура ал-Халладжа (ум. в 922 г.), его ученика Абу Бакра аш-Шабали (ум. в 946 г.) и других суфиев «классического периода» можно сделать вывод и из творчества самого Ахмада Пасави²¹. Ирак, с некоторыми идеями «интеллектуального» суфизма мубаййдиты начали знакомиться еще в X в.

В одном из городов этого региона — Сайраме и родился Ахмад Пасави. Нам известна только дата его кончины — 562/1166—67 г. Получив образование у ханафитского законоведа Баха' ад-дина ал-Исфиджаби (XI в.), Ахмад направляется в Отрар²². Предание гласит, что наставник Ахмада, Арслан Баб, знал основы 33 религий. Муса Сайрами (ум. в 1917 г.) приводит родословие Арслана Баба, подтвержденное печатью и подписью Убайдаллаха-хана (1534—1539)²³. Оно позволяет установить, что Арслан Баб был в то время духовным главой мубаййдитов Отрара.

Среди населения Южного Казахстана до сих пор бытует множество легенд и преданий, подтверждающих факт обучения Ахмада у Арслана Баба. Здесь можно ограничиться приведенным трех из них. Широко известная легенда о финике (хурма) скорее всего символизирует передачу «божественного знания» Арсланом Бабом Ахмаду (в мубаййдитской интерпретации). Другое предание касается обряда посещения святых мест. Оно гласит: «Сначала ночью у Арслана Баба, затем проси у Ахмада Пасави». Третья легенда рассказывает о возведении в Пасы мавзолей Ахмаду Пасави. Каждый день, пока шло строительство, ночью появлялся серый бык, который разрушал отгосроеие. Так продолжалось до тех пор, пока не был построен мавзолей Арслану Бабу в Отраре.

Однако ни в одном источнике нет силсилы (цепи духовной преемственности) Ахмада Пасави, связывающей его непосредственно с Арсланом Бабом. Правда, «Насаб-нама» дает родословие Пасави, которое, за исключением некоторых второстепенных моментов, соответствует родословию Арслана Баба²⁴. Но имя Арслана

¹⁶ Сиабат-наме: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька/Пер., введ. в изучение памятника и прим. проф. Б. Н. Заходера. М.: Л., 1949. С. 228—229.

¹⁷ Беруни. Памятники минувших поколений./Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С. 217.

¹⁸ Насаб-нама. С. 25.

¹⁹ Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим/Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Т. I. М.; Л., 1939. С. 201.

²⁰ Насаб-нама. С. 26.

²¹ Ахмад Ясавий. Девони хикмат. Ташкент, 1992. С. 33, 107, 120 и др.

²² Мулла Бекмухаммад Казн Калан. Сайрам шахида уган азиз авлиялар хусусида. Ташкент, 1884. С. 43; ал-Кураши. Ал-Джавахир ал-муди'а фи табакат ал-ханафийа. Т. II. Хайдарабад, 1914. С. 27.

²³ Муса Сайрами. Та'рих-и аминийа. Казань, 1904. С. 288—290. Родословие это таково: Али ибн Аби Талиб — имам Мухаммад ибн ил-Ханафийа — Абд ал-Фаттах Баб — Абд ал-Джаббар Баб — Абд ар-Рахман Баб — Исхак Баб — Исма'ил Баб — Умар Баб — Усман Баб — Ифтихар Баб — Махмуд Баб — Илайс Баб — Арслан Баб.

²⁴ Насаб-нама. С. 24—28. Родословие (шаджара) Ахмада Пасави выглядит так: Али ибн Аби Талиб — имам Мухаммад ибн ил-Ханафийа — Абд ал-Фаттах — Абд ал-Каххар — Абд ар-Рахман (его брат — Абд ар-Рахим) — Исхак Баб (его брат — Абд ал-Джалил) — Харун шайх — Муса шайх — Исма'ил шайх — Хасан

Баба заменено в нем именем Ибрахима шайха — отца Ахмада Пасави. Ни один источник, ни одно предание не говорят о близких родственных отношениях между Арсланом Бабом и Пасави.

Из этого можно заключить, что со временем силсила Ахмада Пасави стала восприниматься людьми как его шаджара (родословие). В подтверждение этого в его родословие было прибавлено известное всем имя отца Ахмада. Ахмад унаследовал от своего наставника традиционные учения и обряды отарской секты мубайиндитов и был направлен в Пасы для самостоятельной деятельности (по выражению мубайиндитов — «суфра тутмак учун»). Подобная практика была широко распространена среди мубайиндитов. В дальнейшем сам Пасави с благословения пророков Хидра, Илйаса, Абдала направил своего ученика Суфи Мухаммада Дайишманда Зариуки (ум. после 1218 г.) в Отгар, а Садр шайха (XII в.; этот ученик Пасави в традиции со временем превратился в его «родного» брата) в Урунг Куилак (теперь — руины Ак Курган на территории совхоза Тугискея Хава Корганского района Кызыл-Ординской области Республики Казахстан)²⁵.

В деятельности Ахмада в Пасы новым моментом стало его стремление к компромиссу с ханафитами. Сама ситуация, создававшаяся в регионе с появлением иконоверия кара-киргачей (1125—1218), требовала консолидации различных исламских сил. Необходимость в ней стала явной к концу правления кара-киргачей и особенно в период правления монголов (1218—1370). Однако в начале своей деятельности Пасави встретил упорное противодействие и традиционалистов, и мубайиндитов, не забывавших свои старые распри. Это отражено и в творчестве Пасави, где гневному осуждению подвергаются традиционалисты («улама»). Его не жаловали также мубайиндиты — жители Пасы. Рукопись, хранящаяся у имам-хатиба Туркестанской мечети Абд ал-Кадра Кары, содержит важные сведения по биографии Пасави. В ней приведены слова самого Пасави о том, что его в течение 30 лет встречали камнями²⁶. Наконец, там был убит малолетний сын Ахмада — Ибрахим.

Что касается поездки Пасави для обучения в Бухару, то в последние годы у исследователей появились новые суждения на этот счет. Так, О. Ф. Акимущкин считает совершенно невероятным переход к Пасави руководства бухарским кружком ходжагонийа²⁷. В. Маделунг склонен считать, что Пасави и Пусуф ал-Хамдани никогда не встречались²⁸.

Подложная версия об отнесении Пасави к братству ходжагонийа, вероятно, появилась в XIV—XV вв., когда в Туркестане — регионе преобладания пасавитов — начало усиливаться влияние нахшбандиев. В «Силсиле» туркестанского происхождения, начиная с XIV в., все чаще упоминаются имена суфиев-нахшбандиев из Туркестана, как, например, учеников Ходжи Храбра (ум. в 1490 г.) — Маулана-зада Уттари, Маулана-зада Туркистани и др.²⁹ Именно к этому периоду относятся редактирование текстов «хикматов» Пасави и сведение их в сборник («Диван») — в немалой степени усиления нахшбандиев³⁰.

В отечественном востоковедении на основе «Диван-и Хикмат» предпринимались попытки определить язык, литературные формы и учение Пасави. По этим вопросам существует обширная литература³¹. Нужно заметить, что при рассмотрении языка Пасави, кроме проблемы многослойности «Дивана», упускается из виду процесс туркизации, который охватил сельскохозяйственное и городское население этого региона. По существу, на стыке двух семей языков рождался новый.

Широко распространенным стало мнение о том, что Пасави обращался к кочевникам и земледельцам, недавно принявшим ислам. Поэтому он говорил простым языком, с использованием народных тюркских поэтических форм. После Пасави подобные стихи сочинялись многими тюркскими поэтами. Таким образом, его можно считать основателем поэтической школы. Между тем, как отмечал А. К. Боровков, «сизучая тексты «хикматов», мы имеем дело с определенным поэтическим жанром, с выработанными традициями, действовавшими на протяжении ряда столетий»³².

Известно, что Талаская и Чуйская долины, Семиречье, Восточный Туркестан относятся к основным районам сложения и расцвета тюркского манихейства³³. Пос-

шайх — Усман шайх — Умар шайх — Мухаммад шайх — Ифтихар шайх — Махмуд шайх — Плиас шайх — Ибрахим шайх — Ахмад Пасави.

²⁵ Пасаб-нама. С. 28—29.

²⁶ Рукопись Абд ал-Кадра Кары, строки 8—9.

²⁷ Акимущкин О. Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // Три-мингэм Дж. С. Указ. соч. С. 223.

²⁸ Madelung W. Yusuf al-Hamadani and the Naqšbandiyya. Оттиск, 1989. С. 508.

²⁹ Рукопись жителя г. Жана Коргана А. Абдиллаева, строки 80—95.

³⁰ Кёргүйлі М. Ф. Ahmed Jesevi... С. 212.

³¹ По ней мы пользовались консультациями турколога-пасавиеведа из Санкт-Петербурга А. И. Пылева, за что выражаем ему искреннюю признательность.

³² Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка (определение языка хикматов Ахмада Ясави) // Советское востоковедение. Т. V. М.: Л., 1948. С. 236.

³³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 353.

леднее в Уйгурском каганате довольно долго (762—840) оставалось государственной религией. Появление тюркского манихейства и тюркской манихейской литературы стало естественным результатом теснейших многовековых тюрко-иранских связей в этом регионе. Тюркская манихейская литература отличалась богатством сюжетов, образов и литературных форм. В стихах Ахмада Пасави можно уловить множество моментов, не чуждых манихейским жанрам назидательного рассказа, пантеистических гимнов, покаянных молитв и др.

Все сказанное позволяет заключить, что влияние багдадской и хорасанской школ суфизма на формирование братства Йасави́я было весьма относительным. Новое суфийское братство явилось естественным продолжением учения и практики мубаййидитов Туркестана, история которых насчитывает несколько столетий. Сравнительное же изучение памятников ранней тюркской мусульманской и тюркской манихейской литератур может, на наш взгляд, выявить преемственность в их развитии.

А. К. Мунинов

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕНОПИСЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В специальной литературе, посвященной истории искусств Средней Азии, нередко встречается словосочетание «геральдическая композиция». Однако, если обратиться к специальным справочным изданиям и словарям, то в них это понятие отсутствует, хотя в отечественной литературе искусствоведы и историки культуры пользуются им, вкладывая в него определенный смысл и содержание.

Занимаясь изучением региональных особенностей декоративного искусства Средней Азии, мы испытали необходимость обратиться к иконографической схеме геральдических композиций на раннесредневековых стенописях и попытались дать определение этого понятия.

Название этих композиций происходит от позднелатинского слова «геральдика», которая «является сводом законов и правил составления гербов»¹.

Само понятие «геральдическая композиция» связано со знаками и символами, обозначающими гербы Западной Европы, начиная с XI—XII вв. Термин «герб» употребляется как геральдическое изображение, которое имеет определенную композицию, состоящую из ряда строго принятых элементов и построенную по установленным правилам².

Прототипами гербов были всевозможные тамги, тотемы, изображения на личных печатях, которые появились на Востоке еще в глубокой древности и играли роль культовых символов и знаков собственности.

Геральдические композиции, знаковые сцены, гербообразные символы, зародившиеся на Востоке, позднее были заимствованы художественной культурой Западной Европы. Как отмечают исследователи, «с Востока принесли с собой рыцари названия геральдических цветов»³, с Востока на Запад пришли многие образы геральдических композиций, в частности льва, орла, всадников, борющихся со змием, охотников с соколами и др.

Геральдические композиции имели широкое распространение в культуре не только Средней Азии, но и всего средневосточного региона, начиная с III—II тыс. до н. э., в частности они воплощались на стенописях, в рельефах, в художественном металле, тканях, резном гониме и т. д. Как известно, у шумерских государств в III—II тыс. до н. э. существовали гербы в виде орлов с головами льва. У Александра Македонского на шлеме было изображение морского конька, у легендарного Ахиллеса — лев. У сасанидских правителей имелись гербообразные знаки, которые изображались на коронах царей. Однако эти эмблемы не являлись гербами в полном значении этого понятия, поскольку не передавались по наследству.

Не вдаваясь в историю возникновения и сложения иконографических схем геральдических композиций Среднего Востока, мы выделили только несколько привлекавших наше внимание изображений на тканях.

Композиции на тканях Средней Азии известны по раннесредневековым стенописям Афрасиаба, Балалыктепа, Варакши, где представлены пышные одежды царедворцев, попоны на слонах, лошадях, верблюдах, украшенные изображениями крылатых козлов, львов, козлов, птиц, кабанов и т. д.

Эти изображения определяются специалистами как геральдические, во-первых, потому, что в XI—XII вв. некоторые образы, зародившиеся в искусстве Ближнего Востока, вошли в композиции гербов Западной Европы и Древней Руси, а во-вторых, они имеют определенную иконографическую схему, которая стала определяющей в гербообразных изображениях. В частности, эта схема касается симметричности иконографической позы, особенно, когда изображаются два противостоящих друг

БСЭ. Т. 6. М., 1971. С. 579.

² Драчук В. С. Рассказывает геральдика. М., 1977. С. 8.

³ Лакьер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 54.

другу образа — два льва, два всадника и т. д. Обычно тела изображенных четырехкопытных животных представлены в профиль, это касается и образов всадников. Обобщенность, присутствующая в геральдических композициях, как правило, доводит изображение до такого рода условности, когда оно приближается к знаку-символу. При этом орнаментализация, которая является непременным условием иконографической схемы геральдических композиций, возникла в результате неоднократных повторов и установившихся приемов. Истории искусств достаточно хорошо известны примеры использования схожих и даже одинаковых иконографических схем. Качественность восточного искусства способствовала тому, что та или иная определенная схема несла в себе информацию, которая легко воспринималась зрителем, приученным в результате предшествующего опыта развития изобразительного искусства к тому или иному решению образа.

Возвращаясь к тканям, изображенным на стенописях, и их сюжетам, следует отметить, что, по мнению В. А. Шишкина, они были «местного происхождения»⁴.

Так, мотив оформления тканей большими кругами, располагающимися в шахматном порядке или чаще всего по квадратной сетке, вероятно, был широко распространен в среднеазиатском регионе. Эти круги составлялись из цепочки «перлов», которые обозначали жемчуг. Такой узор, состоящий из маленьких белых кружочков, у среднеазиатских народов весьма распространен и называется «турмоча», что означает «амулетики». Окружность издревле символизировала Гармонию и Совершенство, а позднее в исламской культуре круг стал символизировать идею бога. Охранное значение узора усиливает ту магически-ритуальную функцию оберегов, которой соответствовало изображение того или иного животного, птицы, всадника. Отголоски древних традиций сохранились, например, в бухарском «сюзане», где мотив круга с розеткой свидетельствует о религиозно-мистическом предназначении такого рода изображений, служащих благожеланием и покоем.

Внутри круга, образованного «перлами», изображались животные, птицы, фантастические существа, иногда сложные композиции с изображением человеческих фигур.

Переходя к непосредственной цели нашего исследования, следует предложить следующее определение «геральдической композиции». Это, на наш взгляд, обобщенно-орнаментализированное изображение определенных образов, преимущественно зооморфных (птиц, животных), антропоморфных (всадник, борющийся со змеем, охотник с соколом), фантастических (крылатый лев, крылатый конь), имеющих ритуально-магический смысл, т. е. изображение, которое стало в результате отработанной иконографической схемы знаком-символом и служило оберегом-амулетом владельца.

Для конкретизации этого определения обратимся к иконографическому анализу образов льва и всадника в геральдических композициях.

В фундаментальном исследовании Л. И. Ремпель⁵ отмечается двойственная природа образа льва. С одной стороны, в космогонии лев — символ солнца, в мире животных — царь зверей. В метафоре он уподобляется царю среди земных владык. Лев — это страж трона царя, и его геральдические образы украшают изображения сидящих царя. Лев — символ царственности и оберег от всякого зла. Это основное содержание образа льва положено в основу геральдических композиций, изображающих льва, поскольку ему придавался магический смысл.

Однако с развитием культа льва этот образ превращается в носителя злого начала, враждебного всем добрым поступкам.

С другой стороны, лев — объект охоты царственного охотника, эпического героя. В сценах, представленных на серебряных сасанидских чашах, лев терзает быка или ланя. Львоподобные животные изображены в сценах поединков со зверями в варахинской стенописи, и витязи выступают как герои, побеждающие злое начало, а трактовка образа льва приобретает противоположное значение, как воплощение враждебного человеку хищника.

Отражение двойственной природы образов животных и птиц в изобразительных символах искусства Средней Азии воплощает сложность и противоречивость окружающего мира, той действительности, которая находит свое отражение в мировоззренческих понятиях раннесредневекового художника.

Образ крылатого льва, олицетворяющего Добро, следует рассматривать в одной иконографической группе, поскольку крылья усиливали святость и сакральность изображения, подчеркивая его небожительность, что увеличивало магические возможности охранителя, оберега от всяческого зла.

«Как гербы, — отмечает Л. И. Ремпель, — крылатые львы вписаны в круги из перлов в настенных росписях Самарканда»⁶.

Стилистически они отличаются от львиных грифонов поры эллинизма и местной античности изяществом поз, равновесием в расположении фигур, плоскостностью в решении фона и объемности, совершенством формы, имеющей тяготение к орнаментализации. В них заложены все элементы геральдических композиций.

⁴ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 720.

⁵ Ремпель Л. И. Цель времен. Ташкент, 1989. С. 19.

⁶ Там же. С. 42.

Как носитель Добра и Благопожелания образ льва имел следующие иконографические схемы изображения:

— лев крылатый (на афрасиабской росписи, заключенный в круг из «перлов»);

— лев, стоящий на задних лапах (на корчагах VIII—XIII вв. из Самарканда — в роли охранителя сосудов);

— льва противостоящие; иконографическая схема симметричная, где центром симметрии является мировое дерево (иранская ткань VIII в.);

— льва, противостоящие зеркально друг другу (иранская ткань VIII—IX вв.).

Все композиции построены на профильном изображении туловища зверя и все они заключены в круг.

Изображения льва, как и другие образы геральдических композиций, традиционно выступали в качестве охранительной эмблемы и не случайно они украшали одежду, оберегая человека от всяких напастей и злых духов.

Образ льва, заимствованный западной геральдикой, имел четкую иконографическую схему, вплоть до поз и трактовки образа. Широко распространена была профильная поза, когда изображались один глаз и одно ухо животного. Существовало несколько разновидностей в трактовке образа льва — «вооруженного», с короной на голове, «смирного» и т. д.⁷, но все они были связаны с охраняемым значением и символизировали Добро.

Иконография образа льва — носителя злого начала связана с образом всадника, который в поединке побеждает хищника. Эта сложная многофигурная композиция, оказавшая влияние на западноевропейские и древнерусские гербообразные композиции, получила широкое воплощение в восточных тканях. Это знаковая сцена, семантическое значение которой состоит в том, что она раскрывает красоту подвига эпического героя.

Изображения всадников, превращенные в геральдические композиции, — один из характерных мотивов сасанидского искусства, нашего свое воплощение на серебряных чашах, хранившихся в Эрмитаже. На византийской ткани VIII в. изображены убивающие львов геральдические всадники, противостоящие друг другу. Центром симметрии служит мировое дерево.

Образ героя, сидящего на коне и поражающего копьём хищного зверя, чудовища, змия, получил в средневековые широкое распространение в искусстве России, став гербом российских городов и фамилий. В знаменитом памятнике Фальконе «Медный всадник» тоже отражен этот «вечный сюжет» — Петр I представлен как эпический герой, конь которого поирает змия. Образ Георгия Победоносца своей иконографической схемой также во многом восходит к геральдическим средневосточным композициям.

Геральдические композиции, выступающие знаками-символами с ритуально-магическим значением образов, в художественной культуре Средней Азии — это прямое наследие иранского, средне- и переднеазиатского искусства. Они формировались на общей мировоззренческой основе, сродни с ирано-сасанидским искусством, и в некоторых странах сохранили свое значение и поныне.

В немецком журнале «Культур хроник»⁸ опубликована информация о выставке «Трак-арт Пакистан», где говорится о том, что кузова грузовых автомобилей пакистанцы окрашивают яркими пейзажами, изображениями птиц и животных. Кроме рекламных и украшательских целей, эти изображения наделяются религиозно-мистическим предназначением, т. е. спустя тысячелетия в художественной культуре региона сохранились традиции геральдических композиций. Они не являлись гербообразными эмблемами, но зато сохраняют то значение «оберегов», которое они издревле имели на Востоке как благопожелание владельцу, магические знаки охранного значения.

Это свое наполнение геральдические композиции не утратили и в исламском типе культуры. Усилив свое декоративное начало, они превратились в зооморфный орнамент, как, к примеру, резной штурк дворца старого Термеза (XII в.), где изображены «звездные грифоны» — крылатые львы, тело которых украшено звездами.

Знаменитые «шеры» с портала Шир-дора в Самарканде — тоже развитие образа льва, имеющего геральдическую основу, но как образ хищного животного. В основу композиции положен симметричный повтор на углах портала — образ женского лица, воплощенный в солнечном диске, — это тоже влияние иранской культуры.

Эволюция древних геральдических композиций, получивших свое отражение в раннесредневековых стенописях Средней Азии, к религиозно-магическому звучанию образов добавляла эстетические качества, которые и поныне придают этим изображениям непреходящую художественную значимость.

Г. И. Бабаджанова

⁷ Лакнер А. Б. Указ. соч. С. 39.

⁸ Культур хроник. 1993. № 1. С. 24 (информация).

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ К ВОПРОСУ О МЕДРЕСЕ XI ВЕКА В АНСАМБЛЕ ШАХИ ЗИНДА

В 1959 г. были начаты археологические работы в северной части ансамбля Шахи Зинды, южнее мавзолея эмира Бурундука. Следствием этих долговременных раскопок были публикации их руководителя, археолога Н. Б. Немцевой. Она утверждает, что нашла здесь остатки древнейшего в Средней Азии медресе, построенного в 1066 г. по повелению первого караханидского правителя Самарканда Тамгач Богра-хана. В подтверждение такой атрибуции Н. Б. Немцева ссылается на архитектурный материал раскопок и данные письменных источников. Эта уверенно высказанная гипотеза была признана в Узбекистане, о чем свидетельствует раздел в музее археологии на Афрасиабе, посвященный медресе, его раскопкам и реконструкции. Она получила некоторое распространение и в западной ориенталистике¹.

Проблема, поставленная публикациями Н. Б. Немцевой, имеет далеко не локальное значение. Она прямо связана с проблемой возникновения и начального развития медресе — важного объекта монументальной архитектуры ислама, — объекта, чья характерная типология сформировалась, вернее всего, на среднеазиатской почве. Известные по письменным источникам ранние медресе Средней Азии не сохранились, и открытие в руинах Шахи Зинды остатков подлинного медресе XI в. позволило бы стереть существенное белое пятно в истории архитектуры Среднего Востока.

Следующий ниже критический анализ опирается на три основные публикации Н. Б. Немцевой: «Комплексе зданий на участке южнее мавзолея эмира Бурундука» (раздел статьи «Ансамбле Шахи-Зинда в XI—XII вв.»), именуемую далее «текст 1»², «Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда)» — далее «текст 2»³; «Медресе Тамгач Богра-хана» — далее «текст 3»⁴. Сопоставленные в хронологическом порядке, эти тексты позволяют увидеть эволюцию авторской концепции и к тому же заметить ее ошибки и противоречия. Принятые позже за остаток медресе руины включают в себя несколько помещений, взаимное расположение и размеры которых видны в тексте 1 на рис. 6. Общие размеры раскопанной вначале компактной группы, вытянутой по западной стороне дорожки, — около 14×26 м. Внешняя южная стена сохранилась, как выяснилось позже, на 30 м (в тексте 2, с. 42, дана северная длина — 42 м), но в ряде остатков фундамента. В западном конце этой стены, вернее, ее отщепка на земле, просматривается поперечный проход, ведущий на запад, названный в тексте 2 «ячейка Д».

Описание раскопанных помещений и их план в тексте 1 были сделаны тогда, когда идея насчет медресе еще не возникла у исследователя. Этот материал можно, в общем, считать археологически достоверным. Здесь еще показано погребение на оси помещения В, тогда как в текстах 2 и 3 его нет, ибо оно противоречит представлению об этом помещении как о входе-вестибюле во двор медресе: в таком проходе погребение просто невозможно, разве что случайное и позднее. Это же лежит на оси и напротив входа, как то было принято в мавзолеях. Помещение А и его портал здесь отмечены общей штриховкой, отличной от штриховки соседних, более поздних стен, а в текстах 2 и 3 портал заштрихован так же, как примыкающие к нему более поздние стены и иначе, чем помещение. Это противоречит материалу раскопок и создает ложное представление о contemporанности помещения А и его портала, но нужно для кошечки, согласно которой портал помещения А — вовсе не портал, а одна из четырех ниш кубольного kiosка — «чортака», который в этом месте предполагается исследователем.

Но уже и в этом, самом достоверном изображении раскопанных остатков заметно злоупотребление пунктирными линиями, которыми подменяются реально сохранившиеся контуры плана и которые сами, как будто, претендуют на документальность. Так, оконтурены пунктиром, но детально изображены (наружные большие и внутренние малые колонки, выкружки) несуществующие пилоны восточного входа в помещение В. Почему-то эти пилоны заштрихованы, словно они сохранились, тогда как несуществующая северная сторона помещения В, показана на плане пунктиром без штриховки.

В следующих публикациях количество заштрихованных (т. е. как бы сохранившихся) деталей увеличилось, а неудобные детали исчезли. Так, на плане текста 2 восточная фасадная стена украсилась четырьмя подманичными лопатками, но исчез сохранившийся в натуре наружный край северной стены за восточным входом: этот край, зафиксированный археологически, противоречил концепции, по которой восточный вход был центром симметричного главного фасада медресе. Зато на плане

¹ Klaus Pander, *Sowjetischer Orient*, Köln, 1982, S. 267; Burchard Brantjes, *Mittelasien: Kunst des Islam*, Leipzig, 1982, S. 78, 79, 114.

² Зодчество Узбекистана. Материалы и исследования: Сб. Вып. 2: Ансамбль Шахи-Зинда. Ташкент, 1970. С. 138 и след.

³ Афрасиаб: Сб. Вып. 3. Ташкент, 1974. С. 99 и след.

⁴ Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи-Зинда: Историко-архитектурный очерк. Ташкент, 1979.

текста 3, представляющего реконструкцию медресе, заштрихован с.з. угол предполагаемого прохода В, не существующий в натуре. Странно, что одни умозрительно реконструированные детали этого плана изображены сплошными линиями, а другие, не более умозрительные, — пунктиром.

Концепция исследователя, сформулированная в текстах 2 и 3, такова. Раскопанные архитектурные остатки представляют собой ю.-в. часть большого здания медресе, включая его восточный вход и южный боковой айван. Прямоугольное здание с внутренним двором было ориентировано главным, восточным фасадом на гробницу Кусема ибн Аббаса и вытнуто в направлении з.-в. Сохранились: порталная ниша входа, за которым лежал купольный вестибюль с четырьмя проходными нишами, одна из них (южная), лежащая за ней проходная комната и расположенный в ю.-в. углу большой купольный зал (такие угловые залы по сторонам входа характерны для среднеазиатских медресе). Сохранились также помещение Г, на всех планах не имеющее входа и, стало быть, замурованное (восточные комнаты А и севернее зала Б) и упомянутая часть южного поперечного айвана Д — следы двух параллельных стен около 5 м длиной.

На реконструированном плане представлено здание с характерным, в общих чертах, устройством медресе, почему-то названное «дворово-айванным зданием» (текст 2, с. 108) и зданием «дворово-айванного типа» (текст 3, с. 41)³.

Прежде чем принять суждение о верности или неверности такой реконструкции (и, следовательно, самой атрибуции постройки), рассмотрим составляющие ее части.

Помещение А. Без большого труда определяется, что первоначально оно было квадратным, со сторонами длиной 4,4 м. Позже его задняя (южная) стена была разобрана; новая, толстая стена с осевым проемом была возведена так, что ее верхний контур совпал с внутренним контуром разобранной стены. Это позволяет предположить, что стена, почти вдвое уменьшившая размеры помещения, была построена до разрушения первоначальной южной стены. Она была продолжена на восток, до соединения с наружной стеной, и вместе с ней определила контур «зала» Б.

Широкий проем соединял квадратное (вероятно, купольное) помещение с входной нишей, оформленной снаружи (с севера) как традиционный средневосточный портал — «пештак». От характерного прямоугольного обрамления порталной арки здесь — на восточном пилоне — сохранилась часть вогнутой выкружки и расположенная за ней вертикальная линия, украшенная геометрическим узором — «терихом» из терракотовых брусков (текст 3, рис. 41, 42), шириной 78 см. Такие вогнутые выкружки — характерная деталь прямоугольных обрамлений пештаков X—XII вв. Она употреблена в мавзолее Арабата X в. (здесь роль выкружки в пластическом решении портала особенно велика), в трех мавзолеях Узгена (X и XII вв.), в некоторых мавзолеях XIV в. в Шахи Зинде. Идентичность выкружки на портале помещения А порталным выкружкам перечисленных зданий с несомненностью подтверждается ее фотографией (текст 1, рис. 7). Несмотря на однозначный смысл этой архитектурной формы, П. Б. Немцева дважды (текст 1, с. 41; текст 2, с. 109) называет ее гнездом угловой трехчетвертной колонки, на которую опиралась арка входа.

Это суждение, высказанное археологом, долгое время работающим с материалом архитектуры, совершенно ложно. Гнезда, в которые вставлялись угловые декоративные колонки, никогда и нигде не делались как круглый футляр, повторяющий их форму и не связанный с самой колонкой. Все без исключения, они представляют собой квадратную в плане угловую выемку, кладка которой связана с кладкой колонки выступающими, невидимыми снаружи кирпичами. В вогнутой поверхности выкружки таких кирпичей, естественно, нет. К тому же форма выкружки заметно более плоская, чем 3/4 окружности, и цилиндрический стержень колонки вставить в нее не удалось бы.

Это заблуждение тем более странно, что неподалеку от сохранившейся in situ выкружки найдены куски декоративной облицовки такой же или, может быть, той же (размеры близки) выкружки, — вогнутые терракотовые блоки с рельефными надписями (текст 1, рис. 10; текст 2, с. 116, 117). Трудно поверить, что опытный археолог этого не заметил.

Однако признание фасадной выкружки как таковой означало бы и признание того, что северный вход в помещение А был внешним порталом помещения и составлял с ним единое целое. Так и представлено дело в тексте 1. Концепция же медресе требует разделения самого помещения и его порталного входа как разновре-

³ Это понятие — дворово-айванный прием планировки — введено в научный обиход мною. Имелось в виду сочетание двора и сводчатого айвана, лежащих на общей оси, или — в камерном варианте — такое же сочетание зала и «тронной» лоджии-ниши. К реконструированному плану медресе с четырьмя осевыми айванами эта плановая схема не имеет отношения. Загадочно утверждение автора (текст 2, с. 105), что в домонгольское время «дворово-айванные сооружения еще проходили сложную эволюцию формирования...» На самом деле дворово-айванные комплексы, и вполне сформировавшиеся, известны с эпохи Сасанидов, если не раньше.

менных частей и признания порталной ниши как одной из четырех ниш предполагаемого купольного вестибюля.

Помещение А, действительно построенное раньше других частей раскопанного комплекса, было мавзолеем обычного «шахизиндского» типа — с квадратной камерой и сильно развитым входом-порталом с глубокой нишей, суфами вдоль боковых стен и двуслойным прямоугольным обрамлением сводчатой ниши: внутри, как обычно, волгнутая лента выкружки, снаружи — широкая полоса териха, набранного из терракотовых брусьев с резным ганчевым заполнением. Своим порталным входом мавзоль был ориентирован, видимо, на дорогу, поперечную главной дороге Шахи Зинда и упирающуюся точно в мавзоль Кусама ибн Аббаса.

Помещение Б. В тексте 1 оно названо усыпальницей, а в текстах 2 и 3 — квадратным купольным залом размерами 9,7×9,7 м. По концепции медресе, зал занимал его ю.-в. угол и служил мечетью или аудиторией — «дареханой»; в с.-в. углу медресе предполагается симметричный и подобный ему зал.

Реальные размеры и конфигурация помещения Б этому не вполне соответствуют. Археологически достоверное изображение показывает, что его западная стена совсем не сохранилась, а южная так разрушена, что на всем ее протяжении показана пунктиром. Так же неказана и большая часть восточной стены. Это делает проблематичной квадратную форму помещения, тем более, что, судя по масштабу приведенного автором рисунка, длина северной стены зала — 9,5 м, а восточной (даже согласавшись с условно показанным ю.-в. углом) — 9 м. Впрочем, в следующих публикациях эта неувязка была исправлена.

Н. Б. Немцева утверждает без доказательств, что зал Б был перекрыт куполом. Это не вызвало бы сомнений (купольные залы со сторонами длиной до 10 м известны в Средней Азии X—XII вв.), если бы не одно обстоятельство: необычная конструкция его исследованной восточной стены.

Эта стена (толщиной 170 см) состоит из трех практически разобраных слоев (рис. 5 из текста 2). Внутренний слой (толщиной 64 см) сложен в технике обычной цепной кладки на глиняном растворе. В наружном слое (толщиной 85 см) чередовались ряды кирпичей, то поставленных на ребро поперек или вдоль, то лежащих горизонтально в один, два или три ряда. Здесь была использован раствор из гача и глин. По своей прочности эта причудливая и слабо организованная кладка должна была заметно уступать обычной. Связи между этими двумя слоями не было.

Наконец, внешний слой облицовки (толщиной 25 см) был сложен из одного ряда шлифованных «лицевых» кирпичей на ганчевом растворе. Сомнительная связь облицовки с наружным слоем сводилась к тому, что отдельные выпуски среднего слоя в целом препятствовали скольжению облицовочного» (текст 2, с. 114). Такая стеновая конструкция едва ли возникла одновременно; можно предположить, что внутренний слой был пристроен к наружному для его укрепления, после того как обнаружилась его непрочность.

И об этой ненадежной, расслаивающейся структуре Н. Б. Немцева, дав ее описание, пишет: «при этом стена представляла собой единый монолит» (текст 2, с. 113)! Если бы помещение действительно перекрывал купол, то ему пришлось бы опираться даже не на трехслойный, без связи между слоями «монолит», а на стены толщиной 85 см (облицовка не в счет). На такой основе, даже если бы она была возведена вполне прочно, купол пролетом 10 м стоять не мог, — сила его распора опрокинула бы тонкие стены.

Приставные стены «зала» были оштукатурены ганчем и, как будто, украшены орнаментальной росписью. Это предполагает деревянное сплошное перекрытие с опорой на деревянные же колонны, либо, если «зал» был двориком, — колонную галерею вдоль его стен. В обоих случаях от идеи большого купольного зала и его двойника по ту сторону фасада приходится отказаться.

На археологически достоверном плане можно заметить любопытную подробность: ось з.-в. «зала» и ось портала, сохраняющегося от 2-го Безымянного мавзолея, построенного в конце XIV в., совпадают. Кажется, что строители мавзолея ставили свое здание на видимые ими руины, согласуя с ними ориентацию и размеры новой постройки, — иными словами, превратили древние стены в фундамент для нее. Может быть, именно тогда и с этой целью — держать на себе массивные стены мавзолея — и были утолщены изнутри стены «зала»?

Помещение В. Это, по концепции медресе, — центральная входная его часть. Отсюда по продольной оси здания попадали во внутренний двор, а через боковые входы и промежуточные комнаты — в угловые купольные залы. Глубокая порталная ниша раннего мавзолея (помещение А) принята за один из этих боковых входов; напротив него, в необнаруженной, но предполагаемой стене помещения В, должен был быть еще один такой же вход в гипотетическую северную половину медресе.

Н. Б. Немцева полагает, что эта часть прохода В выглядела так: «Проходы южного и северного крыла поперечного положения, перекрещиваясь с продольной осью центрального абяна «в», создавали в месте скрещения своеобразный чартак или «шир-сарай». В основе его был квадрат, величина которого определяется по вскрытым очертаниям и реконструкциям в 4,90×4,90 м. Его перекрывал, видимо, купол» (текст 2, с. 108).

Дело, однако, в том, что ширина портала А вместе с выкружками (ошибочно принятыми за гизда колонн) больше предполагаемой ширины прохода В, — если первая составляет 4,9 м, то вторая — 4,4 м (текст 1) или 4 м (текст 2). Если на рисунке из текста 2 мы отметим края предполагаемого чартака, то увидим, что подвешенный прямоугольник будет далеко от квадрата, в который мог бы вписаться купол. Реконструкция «чартака» (текст 3, с. 42) подтверждает неверность этой гипотезы. В этой реконструкции много деталей, вызывающих профессиональные сомнения: углы троннов не выступают, как положено, над стенами четверика, а прочно стоят на широкой полке; пропорции южного входа искажены; перемычка над входом оформлена неизвестным в Средней Азии способом; опирающаяся на колонны арка шире лежащего за ней свода, и т. д. Но главное в другом. Согласно реконструкции, трехчетвертные колонны стояли на южной и северной сторонах «чартака», вилотную к углам его четверика. На эти колонны могли опираться только входные арки поперечного направления, для арок же продольного направления опор не оставалось. Не говоря о том, что такой прием чужд архитектуре Средней Азии и этой, и любой другой эпохи, он вынудил автора реконструкции опереть арки, перекрученные через продольный проход, на фантастические консоли с профилем вроде римско-византичного «каблучка», неизвестные в архитектуре Среднего Востока. Тем самым нарушалась бы и четырехсторонняя симметрия, свойственная зданиям типа «чартака».

Автор реконструкции мог бы обойтись без так неудачно придуманных консолей и поставить арки продольного прохода прямо на простенки. Но тогда искомая симметрия искажилась бы еще больше: продольные арки оказались бы шире поперечных, а для их архивольтов (подобных архивольтам поперечных арок) не осталось бы места.

Так ошибочное превращение портала «пештака» в арочный проем купольного киоска влечет за собой неразрешимые противоречия.

Но помещение В начинается на востоке несомненной порталной нишей, и на оси его входа, посредине расположено древнее надгробие. Примеров погребения во входном вестибюле медресе история архитектуры не знает, равно как и порталных мавзолеев коридорообразно вытянутой формы⁶. Поэтому вскользь брошенное замечание, что помещение В «использовалось и как усыпальница» (текст 1, с. 145), выглядит недостаточным.

Вероятно, за порталом помещения В первоначально лежала квадратная камера мавзолея с могилкой и надгробием посредине. Если верно предположение, что мавзолей А был обращен входом к дорожке, которая вела к усыпальнице Кусамы, то мавзолей В занял начало этой дорожки, закрыв подход к усыпальнице с этой стороны. Личность, похороненная на таком почетном месте, должна была отличаться особыми и важными достоинствами.

Предположив, что стороны квадратной камеры мавзолея были равны ширине его порталной ниши (около 3,5 м), мы получим небольшое здание обычного портално-купольного типа, с наружными размерами 5,3×7,5 м и пропорциями 1:√2, — длина равна диагонали квадрата, построенного на ширине. Такие же пропорции имел несколько более крупный мавзолей А.

Реконструированное таким образом здание должно было своим ю.-з. углом врезаться в левый край портала мавзолея А, а задней, западной частью закрывать боковую часть порталной ниши, вплоть до края суфы. Стыковка стен разновременных построек — не слишком редкое явление в архитектуре Средней Азии, и в самой Шахи Зинде она представлена домонгольским зданием 39 и мавзолеем 33 (XIII в.), а также мавзолеем 26 и 30 (текст 3, рис. 70, 134). Для лучшего сходства ширина камеры в мавзолее 33 равна ширине его порталной ниши.

Что до совпадения задней линии фасада мавзолея В с краем левой суфы в порталной нише мавзолея А, то оно, может быть, не было случайным: чтобы избежать неудобного стыка, суфу, возможно, надстроили заподлицо с задней стеной здания В, несколько уменьшив этим ширину порталной ниши здания А. Разрушенная поверхность порталных суф этому предположению не противоречит.

Сложность стыковки обих зданий может быть объяснена тем, что мавзолей В необходимо было поставить на ось, общую с мавзолеем Кусамы, и одновременно выдвинуть его на «красную линию» определившейся к этому времени главной дороги Шахи Зинды.

С застройкой дорожки, которая вела с запада к мавзолю Кусамы, уменьшилось (если не исчезло) композиционное значение мавзолея А. Этим возможно, объясняются изменение его внешнего облика и последующая перестройка, включение в структуру другого здания.

Помещение Д. Н. Б. Немцева называет эти вскрытые раскопками остатки двух параллельных стен не помещением, а айваном, который фиксирует поперечную ось здания медресе. Она ссылается на четырехайванную планировку большинства известных медресе и отмечает: «В ряде случаев айваны продольной и поперечной оси, как в данном, или только продольной, были сквозными, проходными, и снаружи оформлялись порталами...» (текст 2, с. 104).

⁶ Известны поздние мавзоли с продолговатым помещением, но все они не однопортальные.

Это суждение было бы верным, если бы не необходимость уточнить термин: все сквозные или проходные айваны были всегда и всюду именно айванами, т. е. помещениями, целиком открытыми с одной, передней стороны. С задней же стороны айван ограничен стеной, в которой, конечно, мог быть прорезан больший или меньший проем. Такой айван можно назвать сквозным или проходным, но наличие задней стены в айване обязательно, иначе это не айван.

В «айване» Д задней стены нет. Ссылка на плохую сохранность в этом случае не помогает, так как именно передние торцы стен, их «анты» хорошо сохранили свой изначальный углубчатый контур (текст 2, с. 105, рис. 3). Этот контур позволяет предположить какой-то пластически оформленный въезд в коридор между параллельными стенами, но на основании традиционного средневосточного портала он не похож. Что касается остатков фундамента от двух стен, примыкающих к южной стене и уходящих на север, то их назначение остается неизвестным: в мире нет ни одного медресе, в котором вместо поперечных айванов, даже и проходных, были бы устроены сквозные проезды.

Вероятно, это известно и Н. Б. Немцевой. В плане реконструированного медресе она, вопреки собственным опубликованным материалам, изобразила его западный фасад сплошным, без разрыва в месте примыкания «айвана». И отметила это место штриховкой, но без внутренней линии стены, так что стена здесь как будто есть, но как будто и не замыкает две параллельные стены «айвана», не достигающие наружной линии южной стены своими торцами. В результате это место на плане можно понять и правильно — как сквозной проход, и ложно — как айван с глухой задней стеной, даже без двери.

Следовательно, и «айван» Д — не довод в пользу гипотетического медресе.

Восточная стена. Согласно гипотезе медресе, это должен был быть его главный фасад, обращенный к усыпальнице Кусамы ибн Аббаса. Соответственно здесь предполагается особое пластическое убранство, которым главный фасад отличался от прочих.

Действительно, местами сохранившаяся облицовка восточной стены состояла из ошлифованных кирпичей, уложенных парами и разделенных вертикальными резными полукирпичами — «бантиками». Эта декорация характерна для архитектуры XI—XII вв., но в нашем случае, на основе стили и техники, может быть уверенно датирована XII в. Правда, неизвестно, была ли эта декоративная облицовка ограничена восточным фасадом или продолжалась на других: состояние сохранившегося участка южной стены (другие вообще неизвестны) не позволяет ответить на этот вопрос.

Исследователь полагает, что главным украшением восточного фасада была не лицевая декоративная кладка, а глухая аркада, основанная на выступающих из стены прямоугольных пиллястрах. Однако сказанное об этих пиллястрах в разных публикациях неясно и противоречно.

В тексте 1 о пиллястрах ничего не говорится, но на плане изображены пунктиром два небольших выступа восточной стены — один у левого (южного) края, рядом с разрушенным углом, другой — приблизительно перед с.-в. углом помещения Б. Оба выступа странным образом совпадают с краями портала позже построенного мавзолея Безымянный-2. Края выступов изображены только с одной стороны, — видимо, другие края не сохранились, и ширина выступов осталась неизвестной. Впрочем, ширина пиллястров не указана ни в одной из последующих публикаций.

В тексте 2, где восточная стена рассматривается как левое крыло главного фасада медресе, сказано: «Стены боковых крыльев, по примеру других памятников этого времени, членила глухая декоративная аркатура. Об этом говорит зафиксированный в основании южного крыла пиллястр или «лопатка» (с. 114, 115). Несколько ниже сказано о «единственной обнаруженной лопатке», положение которой позволило определить общее количество пиллястров и ниш между ними. Действительно, на плане текста 2 восточная стена украшена четырьмя выступами, два из которых расположены приблизительно так же, как и в тексте 1. А на реконструкции фасада (с. 107, рис. 4) левое крыло медресе украшено тремя арочными нишами в прямоугольных нишах-обрамлениях, — фантазия, не имеющая опоры в исследованном материале.

Итак, в тексте 1 сказано о двух найденных следах пиллястров, в тексте 2 — только об одном. Вконец запутывает дело текст 3, где снова говорится об остатках двух пиллястров, причем со ссылкой на тот же источник, что и в тексте 2 (с. 95). Правда, указанное здесь расстояние от найденных пиллястров до края ниши восточного портала — 8,2 и 17 м — не соответствует ни одному опубликованному плану.

Есть основание думать, что сама Немцева твердо не знала, ни сколько пиллястров было найдено, ни, тем более, сколько их было первоначально. Это основание — рис. 36 в тексте 3, где совмещены реконструкция плана и фасада медресе. При этом на плане каждое крыло украшено тремя одинарными нишами, на фасаде же на крыльях чередуются четыре арочные ниши, поочередно широкие и узкие, в прямоугольных заглублениях. То, что на плане углы здания оформлены башенками — «гульдаста», а на фасаде — узкими трехчетвертными колоннами, уже едва ли стоит упоминания.

Сохранившаяся часть ниши восточного портала облицована, как и стена, — шлифованными парными кирпичами с резными вставками — «бантиками» между па-

рами. При сравнении, однако, обнаруживается разница: «бантики» стены заметно суше по рисунку, и их средние горизонтальные части шире, чем у «бантиков» портала. Это можно объяснить тем, что восточная стена была пристроена к уже существовавшему мавзолею В, и строители стремились сохранить единство стиля портала и стены. Может быть, одновременно были пристроены к portalу мавзолея В широкие фасадные, плохо сохранившиеся пилоны.

Фундаменты. В тексте 1 (с. 140) вскользь отмечены, в связи с сооружением А и соседними с ним строительными остатками, «различная глубина заложения фундаментов, шаг на стыках разновременных стен...» Это правильное наблюдение не отвлекало концепции одновременно построенного медресе, и в тексте 2 сделана попытка ослабить впечатление от этого неудобного факта.

Отрицать сам факт Н. Б. Немцева не рискула: разные части ее медресе опираются на фундамент, «разный по строительному материалу, глубине заложения, форме и ширине выноса в отдельных частях» (текст 2, с. 110). Под восточным порталом (помещение В) глубина фундамента — 0,6—1 м, а у ю.-в. угла — 2,5 м. Фундамент опущен южной стены снаружи на глубину 2,25 м, внутри же, под более поздней (?) «приставкой» его глубина — всего 50 см. Так же разнообразен материал фундаментов: паха, каменные блоки, галька, кирпич жженный и сырцовый, кирпичный бой, обломки сланца и деревянные связи.

Ясно, что это — фундаменты различных построек, возведенных в разное время разными мастерами. Н. Б. Немцева, однако, объясняет эти факты, опасно противоречащие концепции медресе, «следствием поэтапности строительства, недостатка или несвоевременного подвоза стройматериалов» (текст 2, с. 110).

Оба довода едва ли заслуживают обсуждения. Случай поэтапного строительства и более крупных зданий в Средней Азии совершенно неизвестны, а недостаток или несвоевременный подвоз строительных материалов, такой естественный в советское время (откуда этот пример явно взят), в XI—XII вв. повлек бы за собой смертную казнь виновных в таком безобразии.

Невозможно, чтобы под большое здание с цельной и организованной структурой, под отдельные его части были подведены фундаменты такого не поддающегося объяснению разнообразия.

Все сказанное выше приводит к однозначному выводу: натурные исследования не подтверждают того, что строительные остатки, раскопанные в Шахи Зинде между мавзолеем эмира Бурундука и Безмянным-1, представляли собой цельное единовременное здание и что это здание своим устройством похоже на медресе. Остается рассмотреть письменные источники, которые исследователь привлекает для подтверждения своей концепции медресе.

Место. Письменные источники свидетельствуют, что медресе Тамгач-хана было возведено у городских ворот Баб ал-Хадид («Железные ворота») и что оно прилегало к «машаду» (месту мученичества) Кусамы ибн Аббаса. Можно согласиться, что в данном случае место мученичества (т. е. гибели) и место погребения совпадают, хотя это не всегда так. Но почитаемая могила Кусамы в Шахи Зинде — ложная и поздняя, тогда как Кусам — реальный исторический персонаж, двоюродный брат Мухаммеда, действительно погибший или умерший в 676/77 г. Если он погиб в Самарканде, то где-то там должна была находиться его подлинная могила, — может быть, за пределами южной городской стены, у канала, сохранившего название Оби Машад (текст 3, с. 29, 30). В XI в. культ Кусамы ибн Аббаса в будущей Шахи Зинде еще не сложился, и резонно предположить, что медресе Тамгач-хана было построено рядом с его настоящей, тогда еще известной могилой, а не там, где его искала Н. Б. Немцева⁷.

Что касается Железных ворот, то географы X в.: Истахри, Ибн Хаукаль, Макдиси и Ибн ал-Факих — отождествляют их, не сговариваясь, с Наубехарскими воротами в с.-з. части городских стен Самарканда. С ними согласны В. Л. Вяткин⁸, В. В. Бартольд⁹ и О. Г. Большаков¹⁰. По мнению же Н. Б. Немцевой, «железные» нужно считать, Кешские ворота, расположенные ближе других к Шахи Зинде (и имевшие, кстати, собственное второе имя — Большие, о чем Н. Б. Немцева умалчивает). Для обоснования этого взгляда используются два довода.

Первый сводится к дискредитации Ибн ал-Факиха, который, якобы, никогда в Самарканде не был (случайные другие арабские географы X в. описывали только то, что видели сами), и собранные им сведения не вызывают поэтому доверия. Поскольку сам Ибн ал-Факих не может ответить на это обвинение, оспаривать его бесполезно.

Второй довод заключается в том, что в X в. на Кешских воротах имела железная доска с непонятными письменами (текст 2, с. 129). Впрочем, тут же выясняется, что дело вовсе не в загадочной доске, а в том, что сгоревшие позже ворота

⁷ В этой связи странно звучат утверждения (текст 3, с. 30, 31), что Кусам ибн Аббас был причислен к лику «святых» и даже — что он превратился в «мощи». Что-либо подобное в исламе, в отличие от католицизма и православия, невозможно.

⁸ Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927. С. 11.

⁹ Бартольд В. В. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 136.

¹⁰ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 229.

были заменены железными. Едва ли это что-нибудь доказывает: ворот с железными створками в городских укреплениях было тогда немало. Тот же Ибн ал-Факих с точностью очевидца сообщает о кухендизе Самарканда: «А в кухендизе есть железные ворота в начале и железные ворота в конце»¹¹. Тем не менее никто эти ворота «Железными», как и Кешские ворота, не называл. Поэтому уверенно называть «исверной» локализацию О. Г. Большаковым медресе Тамгач-хана у Наубехарских ворот, как это делает Н. Б. Немцева, по меньшей мере неосторожно: есть достоверные сведения, что «Железными» назывались Наубехарские ворота Самарканда, и нет никаких сведений, что так назывались Кешские ворота, ближайшие к Шахи Зинде.

Топография. В сохранившемся вакуфном документе, касающемся медресе Тамгач-хана, сказано, что оно примыкает к «машаду» Кусам ибн Аббаса (это имя, правда, не названо). Примыкание медресе к «машаду» Кусам отмечено и в другом средневековом документе¹². Но в натуре то, что Н. Б. Немцева считает руинами медресе, отделено от мазара Кусам древней мощеной дорогой, и ни с какой стороны к нему, конечно, не примыкает. Значит, ошибаются либо два исторических источника, независимых один от другого, либо Н. Б. Немцева, принявшая за медресе что-то другое.

В том же вакуфном документе описано окружение медресе, к сожалению без указаний на стороны света: с одной стороны — большая улица; с другой — площадь Хатун-Малки, дочери Тархан-бека (похоже, что это не название, а принадлежность площади, что несколько странно) и канал; с третьей — вакуфный дом для студентов медресе (значит, студенты не жили в самом медресе, как это было принято позже), два жилых дома и караван-сарай Хатун-Малки. С четвертой стороны располагались гробница Лячин-бека, дом «хаули Хайлташи, ханака эмира Низам ад-Даули, дом Хатун-Малки и дорога со входом в медресе».

Реконструкция, сделанная на основе этого перечня (текст 2, с. 140), заметно от него отличается. Большая улица и площадь Хатун-Малки оказались на одной стороне, восточной (в тексте 2 площадь помещена на севере); проигнорировано указание, что единственный вход в медресе находился на дороге или небольшой улице, — эта улица показана на севере, вход на востоке, а другой вход, не предусмотренный описанием, упомянут на юге. Так как Н. Б. Немцева настаивает на полной симметрии плана — непонятно, почему она не предусмотрела еще один, северный вход, тем более, что именно на северной стороне она провела меньшую улицу, а северный и южный проезды — «айваны» — предполагаются одинаковыми.

Трудно представить себе, чтобы на фронте 45 м (длина западного фасада на реконструкции) могли разместиться примкнувшие к медресе: общежитие студентов, две городские усадьбы и караван-сарай, а на 55-метровой длине южного фасада — гробница (мавзолей?), две городские усадьбы, ханака и улица-дорога, показанная на плане почему-то на северной стороне. К тому же и поперечный проезд предполагает незастроенное пространство перед ним, чтобы было куда выехать и откуда выехать.

Нужно признать: Н. Б. Немцева приложила много усилий, чтобы согласовать описанную в вакуфном документе ситуацию с ее реконструкцией «древнейшего в Средней Азии медресе». Но эта попытка не удалась. Неудача, постигшая исследователя в этом деле, явные домыслы и неустраняемые противоречия — еще одно свидетельство изначальной ошибки, выросшей из невероятного истолкования археологического материала и усугубленной слишком свободным с ним обращением.

С. Хмельницкий

¹¹ Цит. по кн.: Средневековый город Средней Азии. С. 223.

¹² Семенов А. А. К вопросу о датировке Рабат-и Малик в Бухаре // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 22. Кн. 4. Ташкент, 1951. С. 26.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ОБ АРХИВЕ М. Ю. САИДЖАНОВА

Исполнилось 100 лет со дня рождения одного из несправедливо забытых деятелей исторической науки Узбекистана, ставших жертвами необоснованных репрессий конца 30-х годов, Мусы Юлдашевича Саиджанова.

М. Ю. Саиджанов — видный государственный и общественный деятель республики, ученый и педагог, один из первых узбекских профессоров. Он родился в 1893 г. в Бухаре, в семье среднего торговца. Закончил русско-туземную школу в Новой Бухаре (Каган) и медресе Мири-Араб. Участник младобухарского движения и один из его лидеров. В 1917 г., как и многие другие его коллеги по политической борьбе, он вынужден был бежать в соседний Туркестан. После сентябрьских событий 1920 г. занимал поочередно ряд ответственных постов в правительстве БНСР. С 1924 г. всецело посвящает себя работе в системе Узкометариса (Комитета по охране памятников старины при СНК УзССР). С 1928 г. и вплоть до ареста в 1937 г. проживал в Самарканде. Реабилитирован посмертно в декабре 1965 г.

Старший брат М. Ю. Саиджанова, Мухтар (1893—1938), был сыном первой жены их отца. Он был одним из организаторов партии бухарских коммунистов, служил в рядах Красной Армии и непосредственно участвовал в свержении эмирского режима. С 1920 г. он, как и младший брат, занимал ряд постов в правительстве Ф. Ходжаева и даже был награжден в числе немногих орденом Красного Знамени. Однако в 1925 г. Мухтар Саиджанов принял участие в известной «группе 18-ти», выступившей против ускоренных темпов коллективизации в Узбекистане. «Группа 18-ти» не получила поддержки, была ошельмована, а участники ее старались отстранять от государственной службы. Этим и объясняется возвращение Саиджановых в сферу научно-просветительской работы.

В 1935 г. М. Ю. Саиджанов участвовал в работе III Международного конгресса по французской культуре в Ленинграде¹, выступил там с научным докладом, посвященным одному из памятников архитектуры Самарканда — усыпальнице Чильдухтаров. М. Ю. Саиджанов сделал открытие, доказав, что этот памятник не отражает своего названия («чильдухтаров» в переводе с фарси — «сорок красавиц») и является фамильной гробницей Кучкиничана (ум. в 1531 г.)².

Широкое ознакомление специалистов и читателей с творчеством М. Ю. Саиджанова происходит в начале 70-х годов, в основном благодаря статье М. Абдураимова³. Статья широко и подробно показала вклад ученого в историческую, археологическую и источниковедческую науку. Однако главное внимание в ней уделялось работам по истории эпохи Тимуридов, что было лишь частью наследия М. Ю. Саиджанова. Иных материалов о творчестве ученого опубликовано не было.

Наше сообщение базируется на материалах, лично предоставленных авторам этих строк Улугбеком Мусаевичем Саиджановым — сыном М. Ю. Саиджанова, врачом по профессии, ныне пенсионером⁴. Этот чудом сохранившийся в период сталинских репрессий семейный архив содержит большое количество рукописей и снимков по истории, археологии и архитектуре Узбекистана XIV—XX вв.⁵ В силу некоторых причин они в течение многих лет были практически недоступными вниманию ученых и стали достоянием научной общественности благодаря Центру гуманитарных исследований «Молодая Бухара»⁶.

Наиболее ценным компонентом архива мы бы назвали перевод и комментарий к вакуфной грамоте мавзолея Сайфиддина Бохарзи (1190—1261)⁷. Сайфиддин Бохарзи — известный представитель суфизма. Мавзолеем его находится на территории современной Бухары, за Каршинскими воротами. Вакуфная грамота состоит из 1400 рукописных строк и для ее перевода ученому понадобилась кропотливая работа не только исторического, но и филологического профиля⁸. М. Ю. Саиджанов составляет также комплексы ряда исторических книг (например, «Тарихи Бенакатия», 1317 г.), ищет и находит смысловое значение устаревших арабских и персидских слов. Главный научный вывод его исследования, на наш взгляд, — доказательство того, что в пору владычества чингисских завоевателей в Средней Азии ислам продолжал оказывать сильное влияние на общественную жизнь.

М. Ю. Саиджанов перевел на узбекский язык и вакуфные грамоты мечети Калян (построена в 1514 г.), медресе Кукельдаш (построено в 1568—1569 гг.) и Абду-

¹ См. подробно: Известия. 1935. 11 сент.

² См. подробно: Саиджанов М. Ю. Обследование усыпальницы Чильдухтаров в Самарканде (Из работ Узкомстариса в 1935 г.) // Социалистическая наука и техника. 1936. № 5. С. 92—94. См. также двухтомник «Самарканд тарихи». Т. I. Ташкент, 1971. С. 299—300.

³ Абдураимов М. Саиджановнинг илмий мероси // Шарқ Юлдузи. 1972. № 9. С. 130—139.

⁴ К сожалению, нам пока не удалось выйти за пределы исследования архива и составить библиографию трудов ученого. Известно, однако, что в самаркандском журнале «Маориф ва унктувия» можно найти статью М. Ю. Саиджанова «Город Бухара и его старинные здания» (1927. № 9—10). Статья эта опиралась на найденные автором вакуфные грамоты и давала, к примеру, ценнейшие сведения о мавзолее Саманидов. См.: Булатов М. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976. С. 12—13.

Вклад М. Ю. Саиджанова в изучение своего родного города весьма велик. Он стал «первым исследователем Бухары на месте своего постоянного обитания» (Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент, 1982. С. 14).

Мы пока не смогли составить хотя бы приблизительный каталог книг из богатой библиотеки М. Ю. Саиджанова (среди которых были, например, древние книги Ветхого и Нового Завета), ныне разбросанных по музеям, библиотекам и частным коллекциям.

⁵ Составленный в начале 70-х годов список рукописей архива расхотится со списком, составленным авторами этих строк. Это говорит об утере многих ценных документов, в частности рукописи о дворце Ак-Сарай в Кашкардые.

⁶ Зарегистрирован Бухарским областным управлением юстиции в 1991 г.

⁷ Годы его жизни впервые определены М. Ю. Саиджановым.

⁸ Черновик перевода состоит из 51 подшитого листа с 66 примечаниями в списках.

лазихана (построено в 1652 г.). Он излагает в набросках своей статьи подробные сведения о том же медресе Абдулазихана и медресе Улугбека (построено в 1417 г.), расположенных в Бухаре.

М. Ю. Саиджанов, вероятно, впервые при помощи произведенных фотоснимков описывает памятник Рабати Малик⁹, а также могилу Мирзы Улугбека в Самарканде¹⁰.

Достаточно серьезными и подготовленными для печати можно назвать рукописи «Архитектура Самарканда. История города»¹¹, «Письменные источники по истории Шахрисабза». Меньшими по объему, но столь же оригинальными являются рукописи брошюры «Материалы по истории узбеков», статей «Мавзолей Чильдухтарон», «Мелкая промышленность» (на материалах Средней Азии), «Первый музей в Хорезме»¹², а также четыре «Антологии поэтов» (все — на узбекском языке).

Под влиянием тенденций, оформлявшихся в общественном сознании Узбекистана конца 20 — начала 30-х годов, создавалась рукопись брошюры «История революционного движения в Бухаре». Это видно уже из названий ее глав: «Взгляд на классы», «Аппарат управления», «Земельное право», «Постановка образования», «Революционное движение».

Один из интересных разделов архива — деловые письма. Здесь хранятся послания к М. Ю. Саиджанову, А. Фитрата, И. И. Умнякова, Я. Г. Гулямова, И. А. Сухарева и др. Тут же и подписанная хозяином визитная карточка А. Ю. Якубовского.

Письмо А. Фитрата представляет собой конспиративное послание коллеге по подпольной младобухарской партии. Оно датировано 1916 г. Автор сообщает о встрече с неназванным человеком, ссоре с последним и просит М. Ю. Саиджанова немедленно порвать с ним всякие отношения. Письмо написано на фарси, фиолетовым карандашом, на половине страницы обыкновенной школьной тетради в линейку. Это послание, на наш взгляд, ценный документ по истории младобухарского движения и один из немногих сохранившихся эпистоляриев А. Фитрата¹³. Пользуясь случаем, отметим также наличие в архиве заверенной печатью справки общества «Матрифат»¹⁴ от 24 мая 1915 г. Из нее следует, что это общество было достаточно серьезным в организационном отношении объединением.

Заслуживает внимания письмо И. И. Умнякова. Основное содержание его — ответ на просьбу М. Ю. Саиджанова перевести с посланных фотоснимков плохо сохранившуюся надпись на минарете в Вабкенте¹⁵. Эта сложная работа, как выясняется из послания, была проделана вместе с «профессором А. Э. Шмидтом»¹⁶. Обнаружилось, в частности, что минарет построен в 1141 г. неким Бурхониддином Абдуллизом¹⁷.

Письмо И. А. Сухарева повествует о работе археологов под Самаркандом¹⁸. Автор пытается дать классификацию городищ по форме и перечисляет шесть их типов («жилой курган», «жилой курган в более сохранившемся виде», «кешк с цитаделью в центре», «кешк с угловой цитаделью», «поселение с высоким холмом сбоку», «поселение с невысоким холмом») ¹⁹. Письмо датировано 6 сентября 1935 г.

Из данных архива видно, что одним из учеников М. Ю. Саиджанова был Я. Г. Гулямов.

Архив хранит и письмо к археологу и нумизмату В. Д. Жукову. Из него явствует о выполнении М. Ю. Саиджановым поручения исследовать надгробные могилы Баракхана в архитектурном комплексе Ходжа Ахрар, расположенном в кишлаке Улугбек Самаркандского района. Автор обращает внимание на наличие четырех Баракханов в истории Средней Азии и советует обратиться к работам Абдураззакка Самарканди и Хафиза Таныша Бухари. Послание датировано 30 июня 1935 г.

М. Ю. Саиджанов дружил с В. Л. Вяткиным. Архив содержит составленный М. Ю. Саиджановым «Список рукописей исторических книг покойного Вяткина»²⁰.

⁹ Памятник монументальной архитектуры, расположенный вблизи г. Навои, на древнем пути из Бухары в Самарканд.

¹⁰ В архиве содержится также фотоснимки гробницы Тимура.

¹¹ К этой рукописи приложена положительная рецензия на нее М. Е. Массона.

¹² М. Ю. Саиджанов принимал участие в создании Хорезмского музея.

¹³ См. подробно: Эргашев Б., Ходжаев Л. Неизвестное письмо Фитрата // Бухарские известия. 1993. 25 февр.; их же. Фитратнинг янги топилаги мактуби // Узбекистон овози. 1993. 4 апр.; Эргашев Б. Наследие братьев Саиджановых // Правда Востока. 1993. 27 апр.

¹⁴ Книготорговое товарищество, которое бессменно возглавлял М. Ю. Саиджанов.

¹⁵ Местность под Бухарой, ныне — центр одноименного района;

¹⁶ Здесь речь идет об А. Э. Шмидте (1871—1939) — выдающемся востоковеде, в 20-х годах — декане востфака САГУ.

¹⁷ Эта дата уточняет принятую ныне. Считается, что памятник построен в 1196—1198 гг. (Узбек Совет энциклопедияси. 14 т. Тошкент, 1972. 3 т. С. 91).

¹⁸ И. А. Сухарев работал в указанное время в Самаркандском музее.

¹⁹ К сожалению, из послания трудно понять, о какой местности идет речь.

²⁰ В. Л. Вяткин и М. Ю. Саиджанов вместе участвовали в реставрации мавзолея Саманидов в Бухаре.

М. Ю. Саиджанов, как уже говорилось выше, скрупулезно исследовал неизвестные и малоизвестные письменные источники по истории родного края. Так, в архиве мы находим конспекты книг «Зафарнаме» Шарафиддина Али Язди, «Равзатул сафо» Носири, «Тарихи Рашида» Хайдара Мирзо, «Жуграфия» Саидмухаммадхана и др. Интересно и обращение М. Ю. Саиджанова к работам историка тюркской литературы Мухаммада Фуада Кёпрюлю.

Материалы архива подтверждают знакомство этнографа О. А. Сухаревой с результатами научных изысканий М. Ю. Саиджанова²¹. В архиве имеются наброски двух статей Саиджанова: по истории кварталов и по истории кладбищ и могил святых Бухары.

Среди, видимо, необработанных владельцем исторических источников — пока неизученные нами три свитка вакфнаме, ахднаме (соглашение) от 1861 г., две купчие-васики (одна из них относится к периоду отмены рабства в Бухаре). Представляют научный интерес письмо-проект «Программа самаркандского исламского общества просвещения» неизвестного автора, программа общества «Иттифак» (обе — 1917 г., на узб. яз.), копия безымянного доклада «Язык и реформа» (1925 г., на тадж. яз.).

Достаточно ценными мы бы назвали и переписанные в 1924 г. надписи на порталах крупнейших архитектурных памятников Бухары. Архив содержит также таблицу орденов и медалей дореволюционной Бухары и список названий старинных узбекских песен.

Уже из сказанного ясно, что архив М. Ю. Саиджанова — ценное национальное достояние нашего народа. Дальнейшее его глубокое изучение, безусловно, позволит прояснить некоторые неизвестные страницы истории Средней Азии и дать более полную картину развития исторических наук в Узбекистане 20–30-х годов XX в.

Б. Х. Эргашев, Л. Н. Ходжаев

²¹ См.: Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 62.

ИСТОРИОГРАФИЯ

О СТАТЬЕ ДЖ. ВУДСА ПО ИСТОРИОГРАФИИ ТИМУРИДОВ

Изучение различных аспектов истории народов Средней Азии, их языков, древней самобытной культуры, социально-экономических и политических отношений сегодня обусловливается растущим интересом людей к своему историческому прошлому. Если говорить, например, о средневековом периоде, то здесь многие вопросы еще остаются спорными и открытыми. Особое внимание привлекает время правления Тимура и Тимуридов. Существует ряд исследований, посвященных в той или иной степени личности Амира Тимура. Это работы В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, И. Муминова, М. М. Герасимова, Л. А. Зимина и др.

История Средней Азии XV—XVI вв. вызывает неизменный интерес не только среди наших ученых, но и у зарубежных историков-медиевистов. Свидетельство тому — значительное количество публикаций английских, американских, немецких, канадских, турецких и многих других авторов. Они представляют большой интерес хотя бы потому, что в них используются материалы и тек рукописей, которых нет в наших хранилищах, в частности это источники Британского музея, рукописные фонды библиотек Англии, Франции, Германии и т. д. Кроме того, в них содержатся мнения, отличные от наших традиционных представлений.

Появление многочисленных работ, посвященных эпохе Тимуридов, неудивительно, ибо сама личность Тимура — явление неординарное. Она вызвала и вызывает интерес как в прошлом, так и в наши дни.

В своей книге «Возвышение и правление Тимура» английский историк Беатрис Манс пишет: «Тимур пронесся подобно урагану через Евразию и оставил имя, известное во всем мире. Его армия пересекла Евразию от Дели до Москвы, от Тянь-Шанских гор Центральной Азии до гор в Анатолии, завоевывая и разрушая одни города и сохраняя другие... Его известность быстро распространилась по Европе, где он оставался в веках фигурой романтической и грозной»¹.

В свете сказанного мы сочли нужным подробно остановиться на статье американского историка Дж. Вудса «Подъем историографии Тимуридов»². На наш взгляд, она весьма интересна, хотя и не лишена отдельных субъективных положений.

Работа Дж. Вудса представляет собой обзор основных сочинений авторов времен Тимура. Он анализирует и дает характеристику историкам — Низамиддину Али Шами, Хафизу Аbru, Шарафиддину Али Пазди, Таж Салмани, Натанзи. Сравнивая и сопоставляя работы этих историков, Дж. Вудс пытается дать свою оценку роли и вклада каждого из них в достоверное и объективное осознание фактов истории. По словам автора, «история основателей традиции историографии стала основой всей

¹ Man z B. F. The rise and rule of Tamerlane. L., 1989. P. 1.

² Woods J. The rise of Timurid historiography. JNES. 1987. N 2. P. 82.

общей традиции и настоящая работа рассматривает аспекты формирования биографии Тимура»³.

Появление многочисленных источников, в тот период автор связывает прежде всего с самим Тимуром, который «сам служил стимулом для их развития как в связи с его интересом к истории, географии и генеалогии, так и благодаря его собственной заинтересованности и особому желанию фиксировать свою деятельность и достижения»⁴. Вообще то, что интерес к истории и собственной значимости был остро развит у Тимура, отмечается многими авторами в источниках того времени.

Хотя при Тимуре в Мавераннахре чаще использовались в разговорном языке тюркский, источники, о которых мы говорим, написаны в основном на арабском и персидском языках. Это обусловлено восточно-иранской традицией историографии, причем при Тимуре наблюдается ее новый подъем. Дж. Вудс отмечает, что в основном в источниках отражены военные действия, и хроники на разных языках появляются в связи с завоеваниями Тимура в различных регионах Центральной и Средней Азии.

Одной из основных работ данного периода является «Зафар-нама» Низамиддина Али Шахи, которой Дж. Вудс придает большое значение. Тимур приказал Шахи написать историю достижения им власти и его завоеваний к марту 1404 г. Как отмечает Вудс, «Зафар-нама» «имеет фундаментальное значение, во-первых, — она сохраняет те ранние, устные и письменные источники, которые до нас не дошли, и во-вторых, она составляет основу, по которой составлялись дополнительные и исправленные повествования других авторов»⁵. Под «другими авторами» Дж. Вудс подразумевает историков эпохи Тимура Хафиза Аbru и Язиди. Изучив и сопоставив их работы, он приходит к выводу, что эти историки заимствовали многое из «Зафар-нама» Шахи, сделав много исправлений и дополнений к оригинальному тексту.

Следует отметить, что «Зафар-нама» — одна из работ, которой пользовался известный историк-востоковед В. В. Бартольд при написании своих крупных трудов по истории Средней Азии средневекового периода.

Сочинения упомянутого выше Хафиза Аbru — также весьма важные источники. В опубликованной в 1897 г. статье «Хафиз Аbru и его сочинения» В. В. Бартольд назвал его «самым замечательным историком времени Шахруха»⁶.

После смерти Амира Тимура Хафиз Аbru перешел на службу к Шахруху, где и прослужил до своей кончины в 1430 г. Важность исторических работ Аbru, как отмечает Дж. Вудс, состоит в том, что «внешне его работа говорит об усилиях скомпановать записки своих предшественников со своими собственными подходами в строении повествования»⁷.

В 1412 г. Шахрух поручил Хафизи Аbru создать продолжение работы Шахи «Зафар-нама». Вудс замечает, что использование Хафизом Аbru «Зафар-нама» подтверждается издателем Шахи Ф. Тайзором. Историк пользовался, конечно, и другими источниками, как «Анонимом Искандара» Натани, что, кстати, подтверждал и В. В. Бартольд. Правда, имеются некоторые несоответствия в списании одних и тех же событий у Аbru и Шахи. Но, на наш взгляд, это объясняется идеологией и политикой времени: авторы писали в разное время и при разных правителях, хотя и одной династии. Бесспорно одно: по широте охвата событий книга Хафиза Аbru является наиболее интересным и важным источником по истории данного периода.

Работы другого историка средневекового периода, Шарафиддина Язиди были широко известны историкам и вообще образованным людям в Иране, Центральной Азии и Индии. На протяжении многих лет Язиди был учителем при дворе Тимуридов. Поэтому он был непосредственным свидетелем многих событий. Хотя Язиди известен своими поэтическими произведениями, литературными описаниями и т. п., однако его основным достижением является биография Тимура — «Зафар-нама». По словам самого Язиди, «учение и писатели работали при дворе Ибрагим Султана в Ширазе в 1419/822 году, для описания жизни Тимура»⁸.

В 1972 г. «Зафар-нама» Язиди была опубликована в Ташкенте. Произведение охватывает период от рождения Тимура (1336 г.) до восшествия на трон в Самарканде Халил Султана (1405 г.). Собственно говоря, это лишь часть планировавшейся самим Язиди тетралогии: создана была лишь половина первоначально предполагаемого им сочинения. Пятая часть работы посвящена тюркам и монголам, Чингис-хану, его сыновьям и событиям, происходившим в Чагатайском ханстве, а также предкам Тимура из племени Барласов. Язиди закончил работу над этим произведением в 1424 г. Весьма спорным является, на наш взгляд, утверждение Дж. Вудса, что Язиди «не имел прямых наблюдений описываемых им событий». Прослужив много лет при дворе Тимуридов, он, скорее всего, был свидетелем многих событий, происходивших в тот период и нашедших отражение в его произведении.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 1, 1934. Предисловие.

⁷ Вудс Дж. Указ. статья. С. 97.

⁸ Там же. С. 101.

Дж. Вудс отмечает и других историков, как Муни ад-дин Натанзи и Таж Салмани, хотя их работы менее значительны, чем перечисленные выше.

Таж Салмани взялся за записывание сочинения «Шамс-ал-Хуси» по совету Шахруха. Произведение посвящено самому Шахруху и Улугбеку и охватывает пятилетний период вторичного вступления Тимура в Самарканд. Сочинение основано, видимо, на знаниях самого автора и рассказах очевидцев событий.

Произведение «Мунтахаб ал-Таварих муини» Натанзи также отражает события, связанные с правлением тимуридских правителей. В нем содержатся важные подробности из жизни государственных лиц, служивших при дворе Тимуридов.

Хотя влияние политики, борьбы за престолонаследие ощущается в произведениях этих авторов, их сочинения, безусловно, содержат уникальные исторические данные и потому являются вкладом в историографию Тимуридов.

О жизни Тимура и его потомков многое написано знаменитыми историками XV в. — Абд ар-Раззаком Самарканди (1482/887) и Мирхондом (1498/903); существовали также тюркоязычные источники, на материалах которых написана история Тимура Натанзи⁹.

Говоря об общей тенденции описаний событий во времена Тимура и его наследников, следует еще раз отметить, что каждый из хроникеров и историографов писал непосредственно под наблюдением своих правителей, возвеличивая роль одного, принимая значимость другого, и наоборот. — явление, вполне понятное. Вместе с тем несомненно то значение, которое имели все эти работы для последующих, более поздних историографов, писавших о Тимуре. И Абд ар-Раззак Самарканди, и Мирхонд, безусловно, были знакомы с этими работами и использовали их для написания собственных сочинений. А ходившие в XV—XIX вв. по рукам книги на тюркском и персидском языках были, вероятно, адаптациями и различными версиями упомянутых выше хроник. А. Ю. Якубовский по поводу этих источников о Тимуре отмечает: «Большая часть повествовательных источников о Тимуре носит характер официозный, апологетический и отличается присущими подобной литературе чертами: пристрастием и склонностью излагать события в пользу лица, которому посвящено произведение»¹⁰. Вместе с тем трудно не согласиться с Дж. Вудсом, который говорит, что «память о завоеваниях Тимура сохранялась в воображении авторов дворцовых хроник и популярных песнях. Его правление потрясло повествователей в Трансоксании, а его жизнь стала образцом и примером для биографий многих восточных правителей»¹¹.

Таким образом, на примере статьи Дж. Вудса мы еще раз можем убедиться, как много ценного дают нам изучение источников, знание их, умение сопоставить и сравнить данные, извлеченные из различных сочинений, посвященных одной тематике и относящихся к одному периоду.

Д. С. Абиджанова

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Якубовский А. Ю. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С. 5.

¹¹ Вудс Дж. Указ. статья. С. 106.

МУБОРАҚБОД

Ҳ. З. ЗИЯЕВ ТАВАЛЛУДИНИНГ 70 ЙИЛЛИГИГА

Ўзбекистонда хизмат кўрсатган фан арбоби, тарих фанлари доктори, профессор Ҳамид Зияев 70 ёшга кирди. У узоқ ва машаққатли йўлни босиб бутун куч-гайратини ва умрини тарих фанининг долзарб масалаларини ўрганишига бағишлади. У салкам 50 йилдики Ўзбекистон Фанлар академиясининг Тарих институтида узлуксиз ишлаб келмоқда. У бу даргоҳда аспирантурани тугатгач илмий ходим, бўлим раҳбари ва институт директорининг илмий ишлар бўйича ўринбосари лавозимларида хизмат қилди. Ҳамид Зияевнинг илмий фаолияти кўп қиррали ва самарали бўлиб Ўрта Осиё ва Шарқий Туркистон (Синьцзянь) ва Россия тарихига бағишланган кўп илмий ишларнинг муаллифидир. У 1953 йилда Москвада Россия Фанлар академиясининг Шарқшунослик институтида «Шарқий Туркистонда 1826 йилги халқ қўзғолони» мавзусида номзодлик, 1964 йилда эса Тошкентда «Ўрта Осиё ва Сибирь» (XVI—XIX асрлар) мавзуси бўйича докторлик диссертацияларини ёқлади.

Олимнинг фаолиятида XVI—XX аср бошларида Ўрта Осиёнинг Сибирь, Волга ва Урал бўйлари орқали Россия билан дипломатик ва иқтисодий алоқалар тарихини ўрганиш салмоқли ўринни эгаллади. Бу тўрт асрлик тарихни ўз ичига олувчи маълумотлар узоқ ва турли жойлардаги архивларда сақланарди. Аммо олим фанга фидойилиги, синчковлиги туфайли шаҳарма-шаҳар кезиб, бой ва ноёб тарихий ҳужжатларни қўлга киритишга муваффақ бўлди. Хусусан, Ҳамид Зияев Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Астрахань, Оренбург, Пермь, Екатеринбург (Свердловск), Ирбит, Омск, Томск, Тюмень, Тобольск, Уфа, Қозон, Олмота ва Тошкентдаги архивлардан маълумотларни излаш ва тўплаш билан шугулланиб, катта хазина эгаси бўлиб қолди. Бу эса олимга ҳар жиҳатдан сермазmun, пухта ва юқори савияда ёзилган илмий асарларни ёзиш имконини берди. Масалан, «Ўрта Осиё ва Сибирь».

«Ўрта Осиё ва Волга бўйлари», «Ўрта Осиё ва Урал бўйлари», «Сибирдаги ўзбеклар», «Ўрта Осиёнинг Сибирь билан иқтисодий алоқалари» ва бошқа ишлар шулар жумласидандир.

Ғани очигини айтганда бундай кенг кўламдаги ва катта ҳажмдаги тарихий ҳужжатлар асосида илмий асарлар ёзиш кам учрайдиган ҳодисадир. Шуни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозимки, Ҳамид Зияев томонидан Сибирь, Волга ва Урал бўйларидаги ўзбеклар ҳақида ёзилган ишлар ўзбек халқи тарихининг саҳифаларига янглик киритди. Чунки бунгача уларни Ўзбекистон аҳли билмас эди.

Ҳамид Зияев чег эл боқинчиларининг таъжовузларига ва ҳукмронликларига қарши қаратилган миллий-озодлик курашларини ўрганишга алоҳида аҳамият берди. У 50-йилларда чоп этилган «Ўрта Осиё ва Қозғоғистондаги 1916 йилги кўзғолон» манбалар тўламини тузувчиларидан биридир. Шунингдек, унинг кўрсатилган йилларда кўзғолон қатнашчиларидан ёзиб олган хотиралари жуда қимматлидир. Булар «1916 йилги кўзғолон қатнашчилари» номида чоп этилган. Унинг «Туркистонда озодлик ҳаракатлари тарихи» деган китобида энг қадимда то 1917 йилгача бўлган давда ўзбек халқининг мустақиллик ва эркинлик учун олиб борган кураши ўз ифода-сили топган. Кейинги йилларда ҳам олимнинг рўзнома ва журналларда миллий-озодлик ҳаракатларига бағишланган мақолалари босилиб чиқди. Олим Ўрта Осиёни Россия томонидан босиб олинишининг тарихини кунт билан ўрганиб келмоқда.

Маълумки, совет даврида, айниқса 50-йиллардан бошлаб илмий асарларда ўзбек халқининг Чор ҳукуматининг аскарларига қарши қаҳрамонона курашини еритиш ва оммалаштириш амалда таъқиқланган эди. Ҳатто айрим олимлар гўё минтақа халқлари рус давлатининг тобелигига ўтишдан манфаатдор эдилар, деган сохта фикрни баён этдилар. Хуллас, совет даврида Россиянинг боқинчилик урушларини, мустамлакачилик сўбатини ва миллий зулмини хас-пўшлаш ва ниқоблаш одат тушига кирди. Шундай оғир шарафда Ҳамид Зияев тошкентликларнинг рус қўшинларига қарши олиб борган қаҳрамонона жангларини кўрсатувчи китоб чоп этди. Ҳамид Зияевнинг «Чор истилоқи», «Ўзбек хонликларини хоризм томонидан босиб олиниши», «Бухоро ва Хева хонликларини хоризм томонидан урушиб олиниши» ва бошқа мақолалари кенг жамоатчилик томонидан мамнуниятлик билан қарши олинди.

Олим бир жилдлик «Ўзбекистон ССР тарихи»га деяр бир қатор боғларнинг муаллифидир. Унинг Ўзбекистонда пахтачиликнинг ривожланиши тарихига бағишланган ишлари ҳам диққатга сазовордир. Ҳамид Зияев Амир Темур, А. Икромов, Ф. Хўжаев, Н. Мухитдинов ва Ш. Рашидов каби тарихий шахсларнинг фаолиятини тўғри ёритишга ўз улушини қўшди.

Ҳамид Зияев 20 йилдан ортқ вақт ичида Тарих институти директорининг илмий ишлар бўйича ўринбосари лавозимида ишлаган кезларида илмий тадқиқот ишларини ва юқори малакали илмий мутахассисларни тайёрлашни юқори поғонага кўтариш учун қуч-қувватини ва билимини аямди. Унинг бевосита қатнашувида тўрт жилдлик «Ўзбекистон ССР тарихи», бир жилдлик «Ўзбекистон ССР тарихи», «Самарқанд тарихи», «Бухоро тарихи», «Хоразм тарихи», «Анджон тарихи», «Қўқон тарихи», «Тошкент тарихи» ва бошқа катта асарлар тайёрланди ва чоп этилди.

У «Ўзбекистон ССР тарихи»ни 1-, 3-, 4-жилдларининг таҳрир ҳайъатининг аъзоси ва 2-жилднинг масъул муҳарриридир. Умуман олганда Ҳамид Зияев 50 дан ортқ асарларнинг таҳрир ҳайъатининг аъзоси ва масъул муҳарриридир. Унинг қўлидан кўплаб докторлик ва номзодлик диссертациялари ўтди. Ҳамид Зияев томонидан ёзилган китобларнинг, рисоаларнинг, мақолаларнинг ва тақрирларнинг сони 400 атрофида. Уларнинг орасида одоб-ахлоқ мавзуси бўйича ёзилган турли ҳикоялар ҳам зўр қизиқиш билан ўқилади.

Олим шу кунларда Тарих институтининг «XIX асрнинг иккинчи ярми—XX аср бошларида Ўзбекистон тарихи» бўлимига салкам 30 йилдан буён бошчилик қилиб, илмий ишларни ҳозирги замон талабига жавобан билимдонлик билан давом эттирмоқда. Унинг раҳбарлигида «Ўзбекистон тарихи»нинг 4-жилди тайёрланди. Кейинги йилларда республиканинги ўтмиши ва ҳозирги замон тарихига онд долзарб масалалар бўйича чоп этилган мақолаларини кенг жамоатчилик мамнуниятлик билан қарши олди. Уларда мустақиллики ва тараққиётни ҳар жиҳатдан таъминлашга даъват этувчи ғоялар ва тақлифлар баён этилган.

Ҳамид Зияев юқори малакали илмий ходимлар ва тарихчи—мутахассислар тайёрлаш ишига алоҳида аҳамият берди. Айниқса, у вилоятлардаги олий ўқув юртлири учун фан докторлари ва номзодларини тайёрлашга салмоқли ҳисса қўшганлиги кўпчиликка маълум. Унинг раҳбарлигида 30 киши диссертация ёқлаб, Тошкент, Фарғона, Қўқон, Наманган, Самарқанд, Қарши, Хоразм, Сирдарё ва Сурхондарё вилоятларида, Москва, Қозон, Олмаота ва бошқа жойларда ишламоқдалар.

Олим Улуғ Ватан урушининг қатнашчиси ҳисобланиб, орден ва медаллар билан мукофотланган.

70 баҳорини кўриб узоқ ва машаққатли йўлни босиб ўтган, лекин ҳамон тетик ва ижоди қайнаб турган Ҳамид Зияевнинг номи қардош республикалардаги ва хорижий мамлакатлардаги ҳамкасбларига яхши танишдир. У тарих фанининг жонкуяри ва йирик намоёндаларидан бири сифатида эл озғига тушган олимлардандир.

Хурматли олимизни таваллудининг 70 йиллиги билан табриклаб, саломатлик, узоқ умр ва илмий ишларида янгидан-янги муваффақиятлар тилаб қоламиз.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1993 ГОД

СТАТЬИ	№	Стр.
Абдуллаев М. А. Кормчий Узбекской Энциклопедии	7	54—55
Абдуллаева М. Н. Наш любимый учитель	7	56
Азимджанова С. Он был благородным человеком	7	45—48
Аликулов Х. Вклад И. М. Муминова в науку этики	7	57—58
Алимова Д. А., Лунии Б. В. Историография в системе Академии наук Республики Узбекистан (1943—1993)	8	70—78
Аскарлов А. Истинные наставники жизненных принципов	7	34—35
Ахмедов К. Х. Региональные особенности перехода к рыночной экономике	3	8—14
Ачиладиев А. С. Тенденции развития национального самосознания	1	30—34
Баратов М. Учитель	7	48—51
Бектемиров К. К. Методические вопросы развития промышленности с учетом экологических требований	1	15—19
Бикбулатов А. О деятельности профсоюзных организаций по профилактике правонарушений	9—10	32—38
Валiev А. К. Навеки с нами	7	51—52
Валiev А. К. Из истории науки в Узбекистане	5	11—17
Гаиров Н. Выдающийся эрудит	7	58—61
Гулямов С. С. Успехи и задачи развития информатики в Республике Узбекистан	8	22—27
Джалалов А. Честь его памяти	7	61—62
Джалалов А., Ахмедов Г., Файзуллаев О. Институт философии и права имени И. Муминова Академии наук Республики Узбекистан	8	27—34
Зияев Х. Об изучении истории Узбекистана второй половины XIX—начала XX века	8	65—70
Золотарев Э. Л. Экономические аспекты гармонизации природопользования	2	14—21
Искандеров И. Об итогах научно-исследовательской деятельности учреждений Отделения общественно-гуманитарных наук Академии наук Республики Узбекистан в 1992 году и очередных задачах на 1993 год	1	3—15
Искандеров И. И. Положения книги Президента Республики И. А. Каримова «Узбекистан—будущее великое государство» и задачи общественно-гуманитарных наук	3	3—9
Искандеров И. Лидер нашей науки	7	29—34
Искандеров И. Пути развития общественно-гуманитарных наук в Узбекистане	8	3—12
Кабулов В. К. Мудрый человек, настоящий ученый	7	35—36
Кадыров А. М., Шамирзаева Г. С. Реформа собственности, ее этапы и механизмы реализации	11—12	18—21
Кажаров А. Г. Некоторые социологические аспекты региональных экологических проблем (По материалам конкретно-социологического исследования)	6	7—10
Каямов А. П. Институт рукописей и его деятельность	8	48—50
Лунии Б. В. Неувядающая память	7	62—65
Махмудов Э. Х. Строительный комплекс Узбекистана и перспективы перехода его к рынку	9—10	12—19
Мачи Г. В., Назаралиева Г. Н. Равноправное сотрудничество Узбекистана с Россией	2	8—14
Мирзасев Т. Горизонты литературоведения	8	34—38
Михалева Г. А. Свадебные обряды и праздники крымских татар	2	26—32
Мукминова Р. Г. Об изучении истории средневекового Узбекистана в Институте истории АН РУз	4	32—38

Муминов И. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии: В свете данных письменных источников	7	7—28
Муниров К. Он был поистине велик	7	65—66
О жизни и научной деятельности академика АН Узбекистана И. М. Муминова	7.	3—6
Ортиков Т. О. О правовом статусе общественного объединения в Республике Узбекистан	2	21—25
Пугаченкова Г. А. Вклад Академии наук Узбекистана в изучение художественного наследия Средней Азии	3	27—35
Пустовойт С. А., Абиткарнев А. М. Совершенствование оплаты труда как важный фактор повышения творческой активности специалистов	4	21—32
Рахманкулов М. Х., Убайдуллаев З. С. О социально-экономической сущности хозяйственного договора в современных условиях	9—10	19—26
Сабиров А. С. К проблеме совершенствования избирательного права в Республике Узбекистан (Сравнительный анализ)	9—10	26—32
Саидов Д. К. Видный ученый, обаятельный человек	7	36—37
Самарходжаев Б. Б. Правовой режим фондов совместных предприятий	4	9—16
Трушин Э. Ф. Основы межгосударственных взаимоотношений по совместному использованию водных ресурсов международного речного бассейна	9—10	3—12
Турсунмухамедов И. Г. Совместные предприятия и проблемы их развития	11—12	22—26
Тухтаев Э. С. Некоторые аспекты экономических проблем Узбекистана	5	3—10
Уразаев Ш. З. Заботливый наставник научной молодежи	7	37—38
Урунбаев А., Машинов Б., Муниров К. 50 лет Институту востоковедения имени Абу Райхана Беруни	8	50—57
Файзиев М. М. О механизме реализации Конституции Республики Узбекистан	4	3—9
Ходжиев А. Развитие узбекского языкознания и его актуальные проблемы	8	38—47
Хайруллаев М. М. Экспортно-импортные поставки и их роль в развитии внешнеэкономических связей Узбекистана	4	16—20
Хайруллаев М. М. Решительный приверженец нашей национальной культуры	7	38—43
Халбаева Р. А. Конституционные основы использования и охраны природных ресурсов Узбекистана	3	19—26
Халбаева Р. А. Международно-правовая концессия водопользования и ее реализация в Узбекистане	11—12	8—18
Хасанджанов К. А. О деятельности Совета по изучению производительных сил Академии наук Республики Узбекистан	8	19—22
Хикматов А. Воспоминания о И. Муминове	7	52—53
Хикматов А. Х. 50 лет Институту экономики Академии наук Республики Узбекистан	8	12—19
Хикматов А. Х., Шенгелев В. М. Вопросы финансирования инвестиционной деятельности в условиях перехода к рынку	6	3—7
Шадиев Р. Т. Навои и Накшбандия	4	39—45
Шарахметов Ш. Ш. Конституция Узбекистана и некоторые вопросы разрешения хозяйственных споров	3	14—19
Шермухамедов С. Ш. Выдающийся ученый, мудрый наставник	7	66—68
Ширинов Т. Ш., Анарбаев А. А., Буряков Ю. Ф. Археологические исследования в Академии наук Республики Узбекистан	8	57—65
Юлдашев А. М., Сандалиев Э. С. Идеология независимости и общественные науки	11—12	3—8
Юсупов А. М. Проблемы национальных отношений в условиях независимого развития государств	2	3—8
Юсупов Э. Скромный и великий человек	7	43—45

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Иноятов К. Х. К проблеме методологии современной историографии	11—12	27—31
Саидов А. Х. О перспективах развития исследовательской деятельности в области историко-правовых наук в Узбекистане	1	35—43
Юсупов Э. Проблемы нового подхода к философской науке	9—10	39—46

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Абдуллаев И. Накшбандия — учение мировой значимости	9—10	54—57
Абдуллаев Р. М. Из истории национального движения в Туркестане после Февраля 1917 года	4	49—53

Абдуллаева М. Н. Адекватность познания и действия	4	46—49
Абдуразакова М. А. Из истории княжества Хайдарабад (вторая половина XIX века)	9—10	59—62
Бабаджанова Г. Н. Геральдические композиции раннесредневековых степионей Средней Азии	11—12	38—40
Батиров Б. Экологические вопросы мелиорации земель	2	33—34
Бектемиров К., Акмурзин У., Ибрагимов Б. Фондооснащенность и повышение эффективности сельскохозяйственного производства в Республике Каракалпакстан	9—10	47—50
Буряков Ю. Ф. Из истории распространения шахмат на Великом шелковом пути	5	23—27
Гиясов Б. Т. Ливийская Жамахирия в международных отношениях (1980—1993)	11—12	32—34
Зияева М. Х. Из истории узбекско-турецких культурных связей	9—10	50—54
Ишанова Ш. А. Нормы наказания по мусульманскому уголовному праву в дореволюционном Туркестане	5	18—23
Хамалидинов Ш. О средневековых городах области Термеза	2	37—43
Каримова С. У. Беруни и химическая наука	9—10	57—59
Кашинская Л. Ф. Некоторые аспекты истории конституционного строительства в Афганистане	4	53—60
Маджи С. Кастанье как историк Средней Азии	6	14—19
Матбабаев Б. Х. К изучению древних могильников Северной Ферганы (бассейны Гавасая и Касаная)	6	19—23
Муминов А. К. Ныне направления в изучении истории братства йасаев	11—12	34—38
Низаметдинов Н. Литературное наследие тюркоязычных поэтов Индии	3	40—42
Ртвеладзе Э. В. Каури и их роль в культовых обрядах народов Средней Азии	9—10	62—64
Рустамбаев М. Х. О классификации телесных повреждений по законодательству Республики Узбекистан	1	44—47
Тураев Б. О. Общие и особенные в свойствах пространства и времени.	1	48—51
Федотов М. Н. К вопросу о ценах в Средней Азии в XVII—XVIII веках	1	52—56
Худайбергенова У. К. Эстетические взгляды Бердаха	6	11—14
Шадиева М. В. Возмоддействие и принцип симметрии	3	36—40
Шарипова Д. Д., Хакимов М. Г. Философско-педагогический подход к развитию целостной личности	2	34—37

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Абдуллаев К., Мавлонов А. Терракотовая скульптура из урочища Ханткуль	5	27—29
Абдуллаев К. Терракотовая плитка из Челека	9—10	64—68
Алимов К. А., Богомолов Г. И. Новая находка с городища Квардан	6	23—26
Буряков Ю. Ф., Аскаров К. К. К интерпретации одного из комплексов цитадели Каратепе	3	42—46
Лунина С. Б., Столярова Н. П. Оссуарий из Хантепа	3	46—48
Матбабаев Б. Х. Оссуарии Ферганы	2	43—47
Хасанов М. К изучению сельских поселений Согдианы времени эллинизма	4	60—51
Хмельницкий С. К вопросу о медресе XI века в ансамбле Шахи Зида	11—12	41—47

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80-летию С. К. Зиядуллаева	9—10	68—69
К 70-летию Х. З. Зияева	11—12	52—53
К 70-летию Г. Н. Наджимова	1	60

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

Набиев Ф. Х. Об архивных документах по истории социальной политики в Туркестане 1921—1924 годов	5	29—34
Эргашев Б. Х., Ходжаев Л. Н. Об архиве М. Ю. Саиджанова	11—12	47—50

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Абдулхалимов Б. А. «Кашф аз-зунун» Хаджи Халифы как источник по истории точных наук Мавераннахра и Хорасана	1	56—60
---	---	-------

Абдурахманов А. Ахмед ал-Фергани и его «Книга об основах астрономии»	4	61—64
Зияев А. «Масоирӣ Оламғирӣ» как исторический источник	6	30—33
Маннаинова Р. Р. Антология Абу Мансура ас-Са'либи «Канз ал-куттаб» и произведения Абу Бакра ал-Хорезми в ней	2	47—50
Ходжаева Б. С. Сборник документов по истории Средней Азии XVI—XIX веков	6	26—30

ИСТОРИОГРАФИЯ

Абиджанова Д. С. О статье Дж. Вудса по историографии Тимуридов	11	12 50—52
Алимова Д. А. Из историографии культуры Узбекистана 20—30-х годов	6	34—37
Салиев У. А. К историографии экономических связей Узбекистана со странами Запада	3	49—53
Хатамов З. «Туркестанский сборник» В. И. Межова и его значение для исследователей Средней Азии и сопредельных стран	2	50—54

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Исамидинов М. Х., Гречкина Т. Ю., М. Д. Джуракулов, Н. У. Холматов. Мезолит и неолит среднего Зарафшана	1	61—62
Хидоятлов Г. А. Письмо в редакцию	5	34—37

НОВЫЕ КНИГИ

Лобанова Т. <i>Малик Арипов</i> . Гуманизм Алишера Навои	1	62—63
Пулатов Х., Назаров К. У. М. <i>Абилов</i> . Оптимизм и пессимизм в динамике развития научно-философской мысли	2	57—58
Саркисянц Г. П. З. <i>Зарипов, М. Кержнер</i> . Профилактика правонарушений: Правовые меры. Механизм функционирования. Проблемы эффективности	9	10 69—70

ХРОНИКА

Абдумаджидов Г. О научно-исследовательской работе в Высшей школе МВД	6	38—40
Абдуразаков А. А. XVI Международный конгресс по стеклу	2	56—57
Аскарлов А. А. Первый Международный конгресс по сотрудничеству в культуре и науке Центральной Азии	1	64—66
Бабаева Э., Зияева М. «Круглый стол», посвященный учению Нахшбандии	5	38—41
Исаев А. Научно-теоретическая конференция, посвященная Амиру Тимуру	5	37—38
Каримов Б. Р., Мирагзамов К. Ж., Разаков С. А. Международная научно-теоретическая конференция «Независимость и мировоззрение: реальность и философские проблемы возможностей развития»	1	66—67
Касымов А. И. Научная конференция, посвященная будущему национальной узбекской письменности	7	77—78
К 100-летию со дня рождения А. К. Арендса	9	10 71—72
К 75-летию З. Р. Нуриддинова	3	55—56
К 80-летию со дня рождения Х. С. Сулеймановой	5	41—42
К 80-летию со дня рождения Х. Т. Турсунова	4	65—67
Проект Концепции «Научные основы идеологии национальной независимости Республики Узбекистан»	7	72—77
Рашидов У. Ж. Советание, посвященное изучению истории Узбекистана	4	64—65
Саматов Ш. Слово о большом ученом	7	69
Султанова Н. К. Передвижная выставка Музея истории Узбекистана, посвященная 85-летию И. М. Муминова	7	69—71
Хакимов Ш. О работе Координационного Совета «Закономерности развития государства, права, управления» АН Республики Узбекистан в 1992 году	2	55—56
Шаакрамов К. Годичное общее собрание Отделения общественно-гуманитарных наук	2	54
Шаакрамов К. К. Общее собрание Отделения общественно-гуманитарных наук	3	53—55
Шаакрамов К. Обсуждение проекта Концепции АН Узбекистана «Научные основы идеологии национальной независимости Республики Узбекистан»	7	71—72
Павел Георгиевич Булгаков (1927—1993)	4	67—68
Хайдар Пулатович Пулатов (1927—1993)	9	10 72—73

МУНДАРИЖА

А. М. Яўлдошев, Э. С. Саидалиев. Истиқлол мафкураси ва ижтимоий фанлар	3
Р. А. Холбоева. Ўзбекистонда сувдан фойдаланиш ва унинг тақсимо- тининг халқаро-ҳуқуқий концепцияси	8
А. М. Қодиров, Т. С. Шомирзаева. Хусусийлаштириш, унинг давлари ва татбиқий хусусиятлари	18
И. Г. Турсунмухамедов. Қўшма қорхоналар ва уларнинг ривожлан- тириш муаммолари	22

Мунозара миқбари

Қ. Х. Иноятгов. Ҳозирги замон манбашунослигининг услубий масалаларига доир	27
---	----

Илмий маълумотлар

Б. Т. Ғиёсов. Ливия Жамоҳирияси халқаро муносабатларда (1986— 1993 йиллар)	32
А. Қ. Мўминов. Яссавийшунослик тарихини ўрганишда янги йўналишлар	34
Г. И. Бобожонова. Ўрта Осиёда илк ўрта аср девор ёзувларининг гераль- дик композицияси	38

Фан янгилклари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

С. Хмельницкий. Шоҳи Зинда ансамблидаги XI аср мадрасаси маса- ласига доир	41
---	----

Архив саҳифаларидан

Б. Х. Эргалиев, Л. Н. Хўжаев, М. Ю. Саиджонов архиви ҳақида	47
---	----

Тарихшунослик

Д. С. Обиджоннова, Д. Вудснинг Темурийлар манбашунослиги хусуси- даги мақоласи ҳақида	50
--	----

Муборакбод

Ҳ. З. Зияев таваллудининг 70 йиллигига	52
--	----

1993 йилдаги ойнома мундарижаси	54
---------------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Юлдашев, Э. С. Саидалиев. Идеология независимости и общественные науки	3
Р. А. Халбаева. Международно-правовая концепция водопользования и ее реализация в Узбекистане	8
А. М. Кадыров, Г. С. Шамирзаева. Реформа собственности, ее этапы и механизмы реализации	18
И. Г. Турсунмухамедов. Совместные предприятия и проблемы их развития	22
Дискуссионная трибуна	
К. Х. Иноятов. К проблеме методологии современной историографии	27
Научные сообщения	
Б. Т. Гиясов. Ливийская Жамахирия в международных отношениях (1980—1993)	32
А. К. Муминов. Новые направления в изучении истории братства йасавийа	34
Г. И. Бабаджанова. Геральдические композиции раннесредневековых стенописей Средней Азии	38
Новое в науке: поиски, находки, открытия	
С. Хмельницкий. К вопросу о медресе XI века в ансамбле Шахи Зинда	41
По страницам архивов	
Б. Х. Эргашев, Л. Н. Ходжаев. Об архиве М. Ю. Саиджанова	47
Историография	
Д. С. Абиджанова. О статье Дж. Вудса по историографии Тимурьдов	50
Наши юбиляры	
К 70-летию Х. З. Зияева	52
<i>Содержание журнала за 1993 год</i>	54

НАШИ АВТОРЫ

- Кадыров А. М.** — доктор экономических наук, проректор Ташкентского государственного технического университета.
- Юлдашев А. М.** — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии ТГПИ им. Низами.
- Бабаджанова Г. И.** — кандидат искусствоведения, ст. научный сотрудник научно-исследовательского института искусствоведения им. Хамзы.
- Гиясов Б. Т.** — кандидат исторических наук, ст. преподаватель Ташкентского государственного института востоковедения.
- Иноятов К. Х.** — кандидат исторических наук, директор Музея истории Узбекистана.
- Муминов А. К.** — кандидат исторических наук, зав. кафедрой восточной филологии Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Яссави (г. Туркестан, Республика Казахстан).
- Саидалиев Э. С.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ТГПИ им. Низами.
- Халбаева Р. А.** — кандидат технических наук, ст. научный сотрудник Института водных проблем АН РУз.
- Эргашев Б. Х.** — кандидат философских наук, доцент БухТИПЛП.
- Хмельницкий С.** — кандидат архитектуры (Берлин, ФРГ).
- Шамирзаева Г. С.** — докторант СОПСА АН РУз.
- Турсунмухамедов И. Г.** — научный сотрудник Института экономики АН РУз.
- Ходжаев Л. Н.** — преподаватель кафедры восточных языков БухГУ.
- Абиджанова Д. С.** — аспирант Института истории АН РУз.

80 р.
20 р.

ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОДПИСЧИКОВ

ИНДЕКС
75359
75349

ISSN 0202—151X. Общественные науки в Узбекистане. 1993 г. № 11